

А. П. ОКЛАДНИКОВ
Р. С. ВАСИЛЬЕВСКИЙ

ПО АЛЯСКЕ И АЛЕУТСКИМ ОСТРОВАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Научно-популярная серия

BIRCHWOOD
BRIDGEWAY

А. П. ОКЛАДНИКОВ,
Р. С. ВАСИЛЬЕВСКИЙ

ПО АЛЯСКЕ
И АЛЕУТСКИМ ОСТРОВАМ

840334

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1976

В 1974 году группа сибирских археологов (Р. С. Васильевский, А. П. Дервянко, В. Е. Ларичев, А. К. Конопацкий) во главе с академиком А. П. Окладниковым участвовала в совместных советско-американских исследованиях на Аляске и Алеутских островах. В истории советской археологической науки подобной экспедиции еще не было. Нью-Йорк и Анкоридж, Алеутские острова и Национальный парк Мак-Кинли, Фербенкс и Коннектикут — основные вехи изыскательского маршрута. Открытия и неожиданные находки, жизнь алеутов и традиции русских первопроходцев на американской земле, встречи и беседы с американцами — об этом рассказывают авторы в предлагаемых заметках и надеются, что они будут интересны как специалистам, так и широкому кругу читателей.

ЭХО
ТЕШИҚ-ТАША

АЛЕШ ХРДЛИЧКА В ПОИСКАХ «ПЕРВЫХ АМЕРИКАНЦЕВ»

Итак, первая в истории изучения прошлого Северной Америки советско-американская экспедиция археологов закончила свою работу. Прошло более года, как ее участники покинули окутанную туманами и непостоянную дождями пыле необитаемую Анагулу — один из островов Алеутской гряды. Здесь совместно с американскими учеными советские археологи вели раскопки древней стоянки, радовались находкам, обменивались впечатлениями, спорили...

Но, как говорят, все по порядку.

У этой необычной экспедиции, состоявшейся через сто с лишним лет после продажи царским правительством Аляски и Алеутских островов США, своя предыстория. Начинается она, пожалуй, с 1939 года, со встречи с виднейшим антропологом Америки Алешем Хрдличкой¹.

Свою жизнь Алеш Хрдличка посвятил изучению двух важных проблем. Достаточно назвать его монографию «Неандертальская фаза в становлении человека», чтобы понять, что волновало ученого.

Неандертальская фаза... Это значит, что предшественником и предком современного человека, *Homo sapiens*, был неандерталец.

Еще со школьных учебников запомнился нам образ примитивного массивного приземистого существа, уже способного ходить вертикально, на двух ногах, но еще имевшего непомерно длинные руки. Почти такие же, как у гориллы! Да и во всем облике неандертальца, этого палеоантропа, как его окрестили антропологи, жившего в пределах последних 100—45 тысяч лет ледниковой эпохи, было прямо-таки бьющее в глаза сходство с высшими обезьянами. С теми же гориллами и шимпанзе и даже с павианами и непоседливыми мармытками!

В самом деле, у кого, как не у обезьян, видим мы такой «убегающий» назад лоб, такие массивные валики над глазами впадинами, отделенные от темени желобками — «глабеллой»? И тому же у неандертальца, как и у обезьян, отсутствовал человеческий подбородок, к которому прикрепляются мускулы гортани, управляющие речью. Значит, он, этот первобытный человек, еще не мог говорить так, как можем говорить мы — современные люди! У него могли быть только примитивные зачатки звуковой речи, а следовательно, и того драгоценнейшего свойства человеческой природы, которое получило определение в трудах академика И. П. Павлова как вторая сигнальная система. Именно звуковая речь, по мысли И. П. Павлова, положила четкий барьер между человеком и животным.

С момента находки черепа неандертальца в долине реки Неандер (отсюда и название), а это случилось более ста лет тому назад, не затихает дискуссия о месте этого палеоантропа в эволюции природы и человека.

В свое время Рудольф Вирхов² попытался изъять неандертальца из числа претендентов на роль непосредственного предка современного человека, заявив, что найден всего лишь патологически измененный череп своего рода ископаемого кретина, идиота, каких немало и в наше время... Даже когда появились неопровержимые свидетельства древности неандертальских скелетов, обнаруженных в сопровождении ископаемой фауны, вместе с каменными орудиями мустьерского типа, предшествовавшими более развитым орудиям эпохи верхнего палеолита, споры вокруг неандертальцев не прекратились. Напротив, они приобрели особую остроту. А может быть, неандертальцы не прямые наши предки? Может быть, эти примитивные существа, столь похожие на человека и вместе с тем на обезьяну, лишь боковая ветвь нашей эволюции, которая так и не

дала постоянных разумных людей? Может, настоящие предки современного человека обитали не в Европе, не в Передней Азии и Африке, а где-то в других местах планеты, еще не изученных в этом отношении?

Эта надежда была особенно привлекательной для тех ученых, которые вольно или невольно стремились противостоятъ симпальной («обезьяней») гипотезе происхождения человека, выдвинутой и широко обоснованной великим естествоиспытателем XIX столетия Чарльзом Дарвином.

Ален Хрдличка был верным сторонником и последователем Дарвина. Он не сомневался, что неандертальская фаза как закономерная ступень развития предшествует эпохе существования современного человека. Не удивительно поэтому, что каждая находка останков неандертальского человека на новых местах, в особенности в Азии, радовала ученого. И когда газеты принесли в Америку весть о первой находке в Средней Азии остатков культуры мустьерской эпохи, а вместе с ними и костей человека того времени, притом именно неандертальца, а не ожидаемого противниками Хрдлички «пресаншенса», старый ученый не мог оставаться спокойным. Несмотря на бремя своих лет (ему шел девятый десяток), он захотел своими глазами увидеть и измерить чудом сохранившийся череп азиатского представителя немногочисленной семьи неандертальцев.

Хрдличка на самолете (не забудем, что в то время еще не было таких комфортабельных лайнеров, как нынешние «Илы» или «Боинги») пересекает Атлантический океан и появляется в Советском Союзе, сначала в Ленинграде, в здании матери русской науки — Петровской Кулесткамере.

Наконец ученый держит в руках муляж первого (пока единственного в нашей стране!) черепа неандертальца, мастерски собранного из множества кусочков знаменитым художником-антропологом Михаилом Михайловичем Герасимовым. «Да это же настоящий, классический неандерталец! — восклицает Хрдличка. — Посмотрите хотя бы на его зубы, на характерные резцы лопатообразной формы, такие же, как у его собрата — «панельца» во Франции. И, конечно, нечего уже говорить о форме самого черепа. О надбровных дугах. О том, что подбородок, как и у человека из Шанпель-о-Сен, отвесный, даже наклонный, без намека на подбородочный выступ».

Так из самого авторитетного источника получил признание неандерталец, найденный в 1938 году в мустьерской пещере Тешик-Таш одним из авторов этой книги (А. П. Окладниковым.— *Ред.*) и Верой Дмитриевной Запорожской³.

Впрочем, Хрдличку в Россию привели не только сведения о найденном в Узбекистане неандертальце. Вторая проблема, решение которой стало содержанием его научной жизни, — «первые американцы», то есть проблема происхождения американского человека, традиционная для американской археологической науки, можно сказать, первая по значению и исходная всех ее тем.

Когда и какими путями проникли на Американский континент его первые обитатели? Иначе говоря, где пролегают пути из Старого Света в Новый, по которым шли предки американских индейцев, заселявшие к моменту появления европейцев, викингов Лейфа Эриксона и матросов-конкистадоров с каравелл Колумба, обе Америки — Северную и Южную?

Алех Хрдличка и в решении этой проблемы был убежденным пропагандистом одной идеи: предок американских индейцев пришел в Америку из Сибири через Берингов пролив. Последний в ледниковое время был не проливом, а перешейком, тем сухопутным мостом, по которому прокладывали свои тропы мамонты, дикие лошади и бизоны, и в погоне за ними, по мысли Хрдлички, из Старого Света в Новый Свет — из Сибири на Аляску — должны были проникнуть первобытные охотники, вооруженные копьями с каменными или костяными наконечниками, не знавшие лука и стрел. На материке Азии исходным центром для расселения по направлению к американским берегам была, как считал Хрдличка, Восточная Сибирь, а конкретно — Прибайкалье.

Именно на берегах Ангары еще в 80-х годах один из пионеров сибирской археологии Н. И. Витковский открыл и по тем временам образцово исследовал замечательный Кунтойский могильник, в котором нашел превосходно сохранившиеся костяки и орудия людей неолитического периода. Находки на Кунтое получили широкий резонанс во всем цивилизованном мире. О них писали как о важнейшем открытии в области истории первобытного общества.

За находками Н. И. Витковского последовали новые, не менее богатые. На этот раз в Глазковском предместье го-

рода Иркутска, где велась в то время большие земляные работы по строительству железной дороги и вокзала.

Исследования в Глазково начал Н. П. Витковский, а продолжили их собиратель-энтузиаст Михаил Петрович Овчинников — народоволец, ранее сосланный царским правительством в Якутию, в Олекминск. С болью в сердце пишет М. П. Овчинников о том, как в насыпь железнодорожного полотна валялись десятки черепов людей эпохи неолита и бронзового века, «глазковского» периода, а вместе с ними замечательные топоры, диски и кольца из молочно-белого нефрита, каменные скульптуры, изображавшие рыб, фигурки животных и человечков-духов, вырезанные рукой древнего мастера из бивня мамонта и оленьего рога...

Находки Н. П. Витковского и М. П. Овчинникова и были той притягательной силой, которая в 1912 году привела Хрдличку в Иркутск. Именно они могли подтвердить гипотезу о том, что родиной американских индейцев была глубинная Азия, берега Байкала. Ведь нигде в Сибири и вообще в Северной Азии не было обнаружено столько остатков неолитических людей, не находилось в распоряжении исследователей такой массы превосходного материала для анализа и размышлений на эту тему. В результате — в «Известиях» Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества появилась поразившая иркутиин статью, рассказывающая о том, что привлекло американского антрополога на Ангару. Оказывается, поиски «первых американцев»!

Спустя четверть века, в 1939 году, Хрдличка вновь посещает берега Ангары. Его по-прежнему волнует проблема первоначального заселения человеком Америки, а у Бурети на Ангаре, как он узнал, были снова найдены могильники неолитических обитателей Восточной Сибири. Помимо костяков древних охотников в могилах находились топоры из полудрагоценного зеленого саянского нефрита, колчаны стрел из кремня и пивиданные луки, укрепленные во всю длину костяными пластинами. Как установлено, это были древние луки усиленного типа, предшественники сложных луков — наиболее дальнобойного орудия древних охотников.

На основании новых находок удалось выяснить вехи истории этой части Азиатского материка на протяжении по крайней мере шести тысячелетий, начиная с переходного времени от палеолита к неолиту и кончая зрелой культурой бронзового века.

Вместе с Хрдличкой участники раскопок в Бурети осмотрели могилу, где лежали три костяка: женщины, ребенка и взрослого мужчины. Тазовая кость женщины была пробита каменным наконечником стрелы. Какая трагедия разыгралась на берегах Ангары в те далекие времена, когда впервые появилось неравенство между людьми, представить нетрудно. Вслед за мужчиной-владыкой в страну мертвых должна была следовать и его собственность — женщина-рабыня. Этот обычай, однако, не распространялся на детей. Почему же тогда в расширенной могиле рядом с женщиной лежал и ребенок? На этот вопрос ответил Хрдличка. Оказывается, когда у индейцев умирала женщина, у которой не было сестры, способной кормить младенца своим молоком, ребенка клали в могилу матери.

Что же касается раскопанных черепов неолитических жителей Ангарской долины, то они, по словам старого антрополога, более всего напоминали хорошо знакомые ему черепа индейцев племени шононов. Не прямые ли предки этого племени были обнаружены в Бурети?.. Словом, предки американских индейцев как бы восставали из забытых могил, оставленных на великой сибирской реке.

Амплитуда поисков предков американских индейцев в Сибири в 1939 году по сравнению с 1912 годом расширилась на много тысячелетий. На Ангаре к этому времени были обнаружены сначала Мальтинское, а затем поселение неолитических охотников на мамонта и носорога в Бурети. Последнее оказалось настолько близкой копией Мальты, что сразу же появилась мысль об их принадлежности, если не одной общине, то двум родственным группам людей. Скажем, одна и та же община жила сначала на левом берегу Ангары — по реке Белой, а затем перебазировалась на правый — в Буреть, или наоборот. Во всяком случае, близость расположения поселений, схожесть их во всем, разительны. Одинаковыми в них были, например, перекрытые позднейшими наслоениями, удобные, теплые и просторные, по понятиям ледникового времени, дома, построенные из костей мамонта, носорога, бизона и северного оленя. Точь-в-точь такие же существовали в недавнем прошлом у жителей Арктического побережья эскимосов и оседлых чукчей.

Археологам, изучавшим поселение в Бурети, невероятно повезло: в 1936 году вместе с костями ископаемых животных в желтой сырой земле — лёссе, была найдена вы-

резанная первобытным скульптором замечательная статуэтка из бивня мамонта. Она изображала женщину далекой ледниковой эпохи, причем не обнаженную, а одетую в условно трактованную одежду. Именно эту «Венеру» из Бурети прежде всего и захотел увидеть Алеш Хрдличка в свой приезд в нашу страну в 1939 году.

Находка в Бурети «восставала» против существовавших тогда представлений о человеке верхнего палеолита (пещерном жителе — «троглодите») как о голом дикаре, не способном к культурному творчеству. К примеру, в журнале «Советская этнография» незадолго до раскопок в Бурети появилась статья, в которой решительно отрицалась возможность шитой одежды в палеолите. Правда, еще Н. Г. Чернышевский справедливо писал: «Прямым свидетельством успехов в создании новой культуры человеком верхнего палеолита является его распространение из южных областей планеты в северные». По словам Н. Г. Чернышевского, для освоения суровых северных пространств Европы и Азии палеолитическому человеку нужен был не только огонь и теплое жилище, но и настоящая одежда, способная согреть и защитить его от пронизывающего холода и жестоких ветров в зимнее время⁴. И все же инерция примитивных представлений об эволюции человека и его культуры в палеолите продолжала сказываться и давить на сознание отдельных ученых не только в 30-е, но и в 40—50-е годы. Действительно, все ранее найденные в Европе палеолитические «Венеры» представляли перед нами в обнаженном виде. Какие-то браслеты на руках, загадочные перевязи на груди и... пышные шевелюры, как у знаменитой статуэтки из Виллендорфа в Австрии, — вот и все их «одеяние». А «Венера» из Бурети была в настоящей одежде типа комбинезона с капором, плотно облегающим лицо меховой каймой. Притом в такой, как у современных обитателей тундры и морского побережья Арктики. Одежда, пережившая по крайней мере двадцать тысячелетий, выдержавшая испытание этих тысячелетий!

Открытия в Сибири стали стимулом к дальнейшей разработке проблемы, выдвинутой А. Хрдличкой.

Ученик и продолжатель исследований А. Хрдлички, ныне всемирно известный автор классических трудов по древней культуре эскимосского народа Генри Коллина в статье, опубликованной в американском археологическом журнале⁶, высказал мысль о том, что новые археологиче-

ские открытия в Прибайкалье дают возможность проследить процесс распространения далеких предков американских индейцев — неолитических племен Восточной Сибири — из Прибайкалья к Чукотскому полуострову, а оттуда через Берингов перешеек на Американский континент. К статье была приложена схема периодизации памятников неолита и ранней бронзы Прибайкалья, опубликованная в 1938 году в советском журнале «Вестник древней истории»⁷.

Но мысли Генри Коллинза, расселяясь от берегов Байкала к Тихому океану, неолитические племена Сибири должны были нести с собой созданные ими орудия и вообще всю технику охотничьего промысла, которая обеспечила им приспособление к новым условиям, стала основой для дальнейшего освоения северных пространств не только Азии, но и Америки. Опираясь на достижения охотников древнего Прибайкалья, потомки людей прибайкальского неолита создали ту своеобразную культуру морских зверобоев Арктики, которая представлена древнейшими археологическими памятниками, оставленными предками эскимосов и алеутов. Тем же культурным наследием прибайкальского неолитического населения воспользовались предки третьей этнической группы первобытной Америки — североамериканские индейцы.

Так смелая мысль Алена Хрдличка о том, что родиной «первых американцев» были окрестности Байкала, долины Ангары и Лены, нашла подтверждение в новых археологических находках, в работах продолжателей его дела.

В свете этих предположений о связи между неолитическим населением Восточной Сибири и предками американских индейцев и эскимосов, кстати, особый интерес имеют и антропологические черты коренных сибиряков — аборигенов Северной Азии. Среди них и в наше время можно встретить людей, тип лица которых удивительно близок к американским индейцам: у них характерный профиль с чисто индейским орлиным носом.

Живой интерес американцев к неолиту Сибири, связанный с гипотезой о миграции «первых американцев» из Прибайкалья, вызвал появление крупной монографии Генри Майкла⁸, посвященной неолиту Восточной Сибири, в которой он тщательно обобщил и новаторил в своей интерпретации материалы, изданные к этому времени по неолиту Прибайкалья и Якутии.

Мысль о том, что предки индейцев пришли из Азии, и именно из Сибири, господствует и в наше время. Во всяком случае, бесспорно, что в Северной и Южной Америке никогда не было обезьян, от которых могли бы произойти в процессе эволюции древнейшие люди. Да и сама география двух материков указывает на наиболее вероятную дорогу переселенцев из Старого Света в Новый. Всего короче расстояние между Азией и Америкой на месте Берингова пролива, где даже сейчас имеется своего рода промежуточная станция — остров Святого Лаврентия, замечательный своими древнеэскимосскими поселениями, раскопанными в свое время Генри Коллинзом. Где же еще, как не здесь, искать следы первых американцев? Так думает, например, издатель опубликованного в 1967 году Стэнфордским университетом в Калифорнии сборника «Берингов мост», в котором использованы материалы специального симпозиума на седьмом конгрессе Интернациональной ассоциации для изучения четвертичного периода, состоявшегося в августе — сентябре 1965 года в Колорадо⁹. На суперобложке этой книги изображены Азия и Америка, бизоны и мамонты, за которыми с Чукотки на Аляску бегут человечки — первые американцы.

Теперь, конечно, мы знаем много больше и о первобытных насельниках Сибири и об их современниках в Америке. Соответственно много сложнее стала и проблема «первых американцев».

КАРГАТСКИЕ МАМОНТЫ

Еще одну встречу с американцами, состоявшуюся в 1969 году, можно было бы назвать так: «Первые американцы в Каргате», хотя темой ее были все-таки первые азиаты в Америке.

Много лет тому назад геологи наткнулись на кости мамонтов, залегающие скоплениями на центральной усадьбе совхоза «Озерки» Каргатского района. Раскопки палеонтологов показали, что кости мамонтов буквально подстилают всю усадьбу совхоза, широко раскинувшегося на высокой и длинной «Волчьей гриве», одной из тех, что определяют весь рельеф Барабинской степи и скрашивают ее монотонную плоскость. Кости ископаемых животных вновь обратили на себя внимание, когда в Озерках прокладывали водопровод.

В глубоких канавах кости мамонтов местами лежали друг на друге «поленницами»!

Естественно, возник вопрос, откуда здесь такое изобилие костей, причем только мамонтов, а не каких-либо других ископаемых животных? И почему именно в Барабе — в этой огромной низменности, некогда затопленной водой?

Первой была мысль о «клад-

бище» слонов. Кто из нас не читал или не слышал романтического рассказа о том, как в Индии и Африке слоны будто бы ищут укромное место и там ложатся, чтобы больше не подняться. Может быть, в незапамятные времена на месте нынешней центральной усадьбы совхоза «Озерки» тоже находилось такого рода кладбище слонов — мамонтов? Или же здесь произошла гигантская катастрофа, нечто вроде библейского потопы? Ведь не так давно остатки мамонтов относились учеными-геологами к делювиальному времени, буквально — «допотопному». Да и в настоящее время иногда высказывается мысль о том, что подобные скопления костей — следствие неожиданных катастроф, во время которых гибнет масса животных. Такие катастрофы, своего рода локальные потоны, изредка происходят в южных странах во время грандиозных разливов рек. Не погибли ли некогда целым табуном и каргатские мамонты от нахлынувших внезапно вод Барабинского моря?

Случилось так, что сначала на эти вопросы должны были ответить палеозоологи, специалисты по четвертичной фауне, поскольку они первыми узнали от строителей водопровода о находках. И палеонтологи ответили на них по-своему: из отдельных костей они составили два «сборных» скелета мамонтов, украшающих теперь музеи в Алма-Ате и Омске.

Когда мы, археологи, приехали в Озерки и произвели первые широкие раскопки, нам стало ясно, почему палеонтологи оказались бессильными раскрыть тайну каргатских мамонтов. Дело в том, что они смотрели на находки профессионально-ориентированными глазами ученых, привыкших иметь дело с остатками животных и интересующихся только ими. Палеонтологи отметили страшный беспорядок в расположении костей, лежавших вперемешку и составлявших груды из остатков мамонтов всех возрастов.

В этом кажущемся «беспорядке» опытный глаз археолога сразу заметил определенный смысл: огромные кости группировались в виде большой широкой дуги, часть их уходила вглубь, как бы провисая в какие-то подземные углубления-хранилища.

Нет, на «кладбище мамонтов» или на следы геологической катастрофы, истребившей застигнутое врасплох стадо мамонтов, это не было похоже.

Действительно, проведенные раскопки показали, что

под центральной усадьбой совхоза «Озерки» было погребено поселение первых архитекторов и строителей нашей планеты, которые создавали свои дома из такого необычного материала, как бивни, черепа, тазовые и бедренные кости мамонтов! Здесь находился лагерь первобытных обитателей Барабы — охотников на мамонтов. В глубине ледниковой эпохи эти люди обосновались на крутом мысу, на той самой уже упоминавшейся «Волчьей гриве», где можно было устроить загон на животных. Огромных зверей гнали к обрыву, срываясь с которого, они падали и вязли в жидкой прибрежной грязи, становясь добычей охотников.

С ужасом вспоминали мы усердие наших друзей палеонтологов, аккуратно разобравших, согласно правилам своей науки, по частям, по косточкам часть удивительных построек палеолитического человека. Но вместе с тем мы и радовались: все-таки на нашу долю досталось еще немало интересного. Нужно было только бережно расчистить и закрепить клеем тысячелетиями лежавшие в земле кости, а затем попытаться законсервировать их в полной неприкосновенности на долгие годы. Что и было нами сделано, когда на месте раскопок (на площади более 450 квадратных метров) был воздвигнут специальный павильон — первый и единственный в Сибири. Это директор совхоза В. М. Мозговой и люди маленького поселка в Барабинской степи отдали нам для раскопок один из лучших огородов усадьбы и обнесли раскоп изгородью, помогли построить павильон и даже провели в него электрическое освещение.

Теперь днем и ночью, даже зимой, когда ледяной ветер несет облака снежной пыли, в павильоне можно рассматривать удивительные скопления костей мамонтов, стоять на полу жилища палеолитического охотника или обойти древнюю постройку вокруг.

Когда зимой 1969 года в Новосибирск приехала группа работников телевидения и Академии наук Соединенных Штатов Америки для съемок сибирской части своего фильма о «первых американцах» — предках американских индейцев, первое, что увидели гости в нашем Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, был рисунок каргатского павильона.

— Существует ли этот павильон на самом деле? — спросил директор и сценарист фильма Крейг Фишер.

— Да, существует, — ответили мы Фишеру. — Только сейчас у нас в городе минус сорок градусов по Цельсию, а

в Озерках и того больше. Вы, мистер Фишер, можете потерять там кончик носа!

— Готов оставить там даже уши, — ответил, смеясь, Фишер. Что, впрочем, и произошло, так как он обморозил не только кончик носа, но и кончики ушей...

И вот мы вместе с американцами стоим в павильоне в Каргате Озерках посреди огромного скопища костей мамонта, в древнем стойбище — поселке первобытных охотников. Снаружи воев ветер, лежат груды снега, все белым-бело, совсем как в ледниковом периоде.

— Фантастически! — воскликнул потрясенный Крейг Фишер, когда увидел столь необычную картину.

На многочисленные вопросы работников американского телевидения нам пришлось отвечать долго и обстоятельно. И, конечно, о том, как люди каменного века вырыли для своего жилища глубокий котлован, соорудили вокруг него прочные стены из бивней, черепов и бедренных костей мамонтов и, должно быть, перекрыли все сооружение сверху икурами. Более того, эти люди были одеты в прочную двухслойную одежду — комбинезон из меха шерстью внутрь и шерстью наружу. Получалось, что эти первые сибиряки, а вместе с тем и первые американцы, по тем временам неплохо устроились на своей суровой, открытой всем арктическим ветрам земле!

И у них с избытком хватало долгой арктической зимы для того, чтобы вырезать из бивня мамонта не только портреты своих женщин — амулеты плодородия, но и рассказывать наивные, философские в своей основе, легенды и мифы о хитрых и простодушных, о благородных и коварных зверях. Так зарождалось искусство, а вместе с ним — зачатки науки, в том числе математических знаний и даже... астрономии, в виде наблюдений за фазами Луны, по которым женщины каменного века вели счет дням беременности, а охотники ждали поры промыслов, готовили запасы пищи... Они очень многое умели наши первобытные предки!

Поселение людей древнекаменного века в Озерках интересно не только жилищами из костей мамонтов, но еще и своим отличием от всех известных нам сейчас поселков людей палеолита в Сибири и Европе. Дело в том, что каргатский палеолитический поселок принадлежал людям, у которых не было или почти не было в употреблении каменных орудий.

Обычно на стоянках палеолитических охотников можно видеть россыпи оббитых камней — заготовок и нуклеусов, тысячи сколотых с них отщепов и пластинок, множество мелких и более крупных изделий из таких отщепов или пластинок, а также изготовленных из целых галек и превращенных в подобие топора или скребка.

В Каргатском поселке на всей расчищенной площадке удалось обнаружить только два миниатюрных отщепов кремня, каждый размером не более ногтя.

Объяснение этому найти нетрудно: в бескрайней Барабинской степи нет ни одного выхода на поверхность земли камня, пригодного для изготовления орудий труда. Каменное основание нашей планеты лежит здесь под мощным пластом рыхлых отложений — суглинков, глин и песков.

Людьми каменного века обитателей древних Озерков, следовательно, можно назвать лишь условно, так сказать, в хронологическом смысле, как современников других жителей Сибири того периода, у которых камень и на самом деле служил основой всей их техники.

Зато первобытные охотники Каргата имели в своем распоряжении огромные запасы костей мамонта. Мамонт служил им пищей, давал материал не только для одежды, но и для устройства прочной крыши над домами. Одной шкуры мамонта, нужно думать, хватало, чтобы полностью покрыть жилище большой семьи того времени.

Среди обнаруженных многочисленных ребер мамонта встретились и такие, которые имели следы обработки в виде направленных сколов. В результате ребро мамонта превращалось в прочное острие, в своего рода копьё или дротик, если его закрепляли на конце древка.

Вполне возможно, что заостренные подобным образом ребра мамонта служили не только индивидуальным орудием палеолитического охотника, но и употреблялись для оснащения ловчих ям и загонов для мамонтов. Воображение рисует картину, которая напоминает известную сцену охоты на мамонта, изображенную знаменитым русским художником М. В. Васнецовым и хранящуюся в Историческом музее в Москве. В глубокую яму-западню провалился волосатый гигант, а вокруг ямы наверху толпятся одетые в шкуры охотники и бросают в него копыя, оснащенные заостренными ребрами мамонтов. И точно такие же острия торчат на дне ямы: на них наноролся ценный зверь...

Древние жители поселений в Каргате и в Бурети на Ангаре, как и их современники в Мальте, были не только смелыми охотниками. До нас дошли свидетельства их сложной духовной жизни. Мы уже говорили о находке двух миниатюрных камешных отщепов. Они, должно быть, ценились в то время обитателями поселка на «Волчьей гриве» так, как ценим мы алмаз, которым режем оконные стекла.

Сравнение с алмазом не случайно: среди обломков бивней мамонта был замечен один, по поверхности которого шли сле заметные нарезки, складывавшиеся в геометрический узор в виде вписанных друг в друга уголков-шевронов. Эти орнаментальные нарезки могли быть нанесены именно такими острыми, прочными, хотя и миниатюрными каменными лезвиями, заменявшим первобытному художнику кремневые образцы, столь обычные для других стоянок каменного века.

Ну, а как же «первые американцы», о которых в Озерках шла речь зимой 1969 года?

Конечно, совсем не обязательно, чтобы первыми в Америке за тысячи лет до Колумба оказались именно те конкретные люди, следы деятельности которых так наглядно представлены остатками домов из костей мамонтов в Озерках. Но строители каргатских жилищ действительно принадлежали к числу первожителеев Сибири и тех, к которым ведут нас нити из той глубины веков, когда человек впервые почувствовал под своими ногами твердую почву Аляски, Лабрадора и всей «матерой земли Америки», как когда-то говорили о ней наши славные землепроходцы, основавшие триста лет назад по ту сторону Берингова пролива «Русскую Америку».

Через четыре месяца после отъезда американцев в наш Институт истории, филологии и философии пришло письмо из Нью-Йорка от Хью Даунса — «звезды американского телевидения», снимавшего фильм в Озерках.

«Д-ру А. П. Окладникову, советская Академия наук, Академический городок (Новосибирск), Сибирь, СССР.

Дорогой профессор Окладников! Хочу сказать Вам, что я с большим удовольствием работал с Вами, мог провести время, разговаривая с Вами, и видеть археологические находки в Озерках. Я надеюсь, мы встретимся как-нибудь снова.

Наша программа выйдет в эфир 21 марта. Я надеюсь, что Вам понравится фильм с Вашим превосходным ин-

тервью (таким, что даже холоднейшая погода не помешала ему). Пожалуйста, передайте мой привет и благодарность Василию Максимовичу Мозговому, если Вы увидите его. Мне по-настоящему понравились люди этого маленького города!

Искренне Ваш Хью Даунс».

Вся Америка смотрела фильм о «первых американцах», причем начинался он в Каргате, а кончался на Анаугуле, где вел свои раскопки профессор Вильям Лафлин. На той самой Анаугуле, где нам предстояло вести с В. Лафлиным и его сотрудниками совместные археологические раскопки.

И в довершение к нам пришла посылка из Нью-Йорка, в которой Крейг Фишер прислал обещанный фрагмент цветной пленки фильма, снятого в Каргате на центральной усадьбе совхоза «Озерки».

...Со времени встречи с Алешей Хрдличкой на Апгаре прошло много лет. Закончилась победой советского народа над гитлеровской Германией и милитаристской Японией Великая Отечественная война. Исследователи, работающие с противоположных сторон Берингова моря, внесли новый вклад в понимание тех событий в природе и в жизни древнего человечества, которые происходили во времена, когда в Америке должен был появиться первый человек.

Стало ясно, что первые поселенцы Американского континента проникли туда не в неолите и даже, может быть, не 15—20 тысяч лет назад, а еще раньше, когда на Амуре у старинного Кумарского острога, в Филимошках на реке Зее и на речке Улалынке в Горно-Алтайске жили люди нижнего палеолита, выделявшие свои примитивные орудия из целых галек желтого кварцита.

За прошедшее после встречи с Хрдличкой время в Якутии на Алдане были найдены листовидные наконечники, обработанные ретушью с двух сторон, похожие на такие же наконечники из стоянки «Верхоленская гора» у Иркутска и клинки, обнаруженные в древних поселениях Америки. На Ушковском озере на Камчатке под слоями вулканического пепла оказались еще более удивительные каменные наконечники с черешком, схожие с такими же черешковыми наконечниками Америки¹⁰. Об этом пойдет речь дальше. Сейчас же заметим только, что древний человек мог, следовательно, продвигаться из Азии в Америку не только через узкое место Берингова пролива, но и по островным цепям — с Камчатки, а также через Алеутскую островную гряду.

Вновь к проблеме первоначального заселения человеком Америки мы вернулись в мае 1973 года на состоявшемся в городе Хабаровске симпозиуме «Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое». Организованный Дальневосточным научным центром АН СССР, этот симпозиум по проблематике и своему научному значению, по существу, был международным форумом ученых. Наряду с советскими исследователями различных научных направлений — геологами, палеонтологами, биологами, географами, археологами, антропологами, ботаниками — в нем приняли участие ученые ГДР, Венгрии, Чехословакии, Финляндии, США, Канады, ФРГ, Швейцарии.

В просторных и светлых залах Хабаровского Дворца культуры профсоюзов, предоставленного в эти дни участникам симпозиума, можно было встретить многих широко известных зарубежных специалистов, изучающих историю Евразии и Америки. Здесь были Х. Д. Кальке (ГДР) и Ч. Е. Борден (Канада), Х. Г. Банди (Швейцария) и Б. Крал (Чехословакия), большая группа американских исследователей: Д. Андерсон,

Ф. Х. Вест, Е. Д. Диксон, В. Хейнес, В. С. Лафлин,
Д. М. Хопкинс.

Лидером с американской стороны был экстравагантный и энергичный доктор Дэвид Хопкинс — неутомимый исследователь четвертичных отложений Аляски и шельфа Берингова и Чукотского морей. Он не только возродил интерес к древней Берингии, организовав в 1965 году в Давпере (США) первый специальный симпозиум по Берингийской суши, но и обосновал ее существование.

Многие из названных ученых оставили свои неотложные дела, лекционные курсы в университетских центрах и, проделав не одну тысячу километров, прибыли в Хабаровск, чтобы участвовать в обсуждении проблем Берингийской суши, давно уже исчезнувшей под водами океана. О том, какое значение придавали зарубежные ученые вопросам, рассматриваемым на симпозиуме в Хабаровске, свидетельствуют слова Д. Хопкинса, который сказал: «Если бы даже в наше время не было авиации, я добрался бы сюда на любом попутном транспорте, чтобы только принять участие в этой конференции ученых».

Так что же представляет собой древняя Берингия, вызывающая столь большой интерес ученых мира?

Если в ясные дни смотреть с мыса Дежнева на восток, то на противоположной стороне Берингова пролива можно увидеть скалистые и обрывистые берега мыса Принца Уэльского. Это уже другой материк — Америка. Ширина пролива здесь наименьшим более 80 километров, причем примерно посредине него от Чукотского полуострова к Аляске тянется цепочка островов — Ратманова, Большой и Малый Диомид, Святого Лаврентия. Глубина пролива небольшая: средняя всего 45 метров, максимальная около 58 метров, а само дно покрыто осадочными породами лишь на 6 метров, ниже которых лежит прочное скальное основание, представляющее собой плоскую платформу. Края этой мелководной донной платформы на севере и на юге отделяются крутыми склонами от более глубоких частей Ледовитого и Тихого океанов. И если бы вдруг произошло опускание уровня моря на 50 метров, то на месте островов образовался бы сухопутный перешийек, связывающий Азиатский и Американский континенты. Понижение моря на 100 метров привело бы к образованию гигантского сухопутного моста шириной почти в 1500 километров. Его северная граница достигла бы широты острова Врангеля, а южная захватила бы восточные острова (Умнак, Уналашку, Унимак) Алеутского архипелага.

Этот сухопутный мост и получил название Берингийской суши или Берингии. Смутные представления о массиве суши, некогда соединявшей Азию и Америку, сохранились у исследователей с XIX в. Однако само понятие «Берингия» было впервые введено в научный оборот в 20-х годах нашего столетия академиком П. П. Сушкиным, занимавшимся изучением орнитофауны Сибири. С того времени оно прочно вошло в литературу, и сегодня название «Берингия» можно встретить не только в академических публикациях, но и в периодических изданиях популярных журналов, газет.

Новейшими исследованиями специалистов разных стран получены данные, которые свидетельствуют о том, что Берингия не была плодом фантазии¹¹. Причем она представляла собой не просто «мост» или какое-то ледниковое образование, а вполне полноценную сушу с условиями, благоприятными для жизни животных и человека. Климат ее был сходен с современным климатом северо-восточных областей Сибири и Канады.

В позднем плейстоцене здесь господствовали тундровые ландшафты с прекрасными пастбищами для мамонтов и других травоядных. А средняя температура июля колебалась в пределах 10—13° (по Цельсию).

Работы по изучению морских отложений позволяют довольно точно проследить колебания уровня Берингова моря, выделить основные этапы его истории и даже датировать их. Считается, что суша шириной более чем в 1000 миль, связывающая Чукотку с Аляской, существовала дважды. Первоначально это было примерно 65—35 тысяч лет назад. Затем сухопутная связь между Азией и Америкой была прервана и возобновилась в поздний период так называемого Висконсинского оледенения — около 28—25 тысяч лет назад. Этот сухопутный мост просуществовал до времени в 10—11 тысяч лет назад, а затем был окончательно разрушен advancing морем.

В то время были затоплены Берингов пролив и Анадырский залив, и Аляска отделилась от Сибири, а острова Святого Лаврентия, Прибылова и Алеутские — от материковой Америки.

Существование Берингийской суши способствовало интенсивному перемещению с континента на континент различных видов растительности, животных и человека. Согласно исследованиям советского ученого А. В. Шера, Бе-

рингия уже в раннем плейстоцене была важнейшим центром распространения холодостойких видов млекопитающих, освоивших Субарктику. Таких, например, как широколобые лоси рода *Praealces*, овцебыки (*Praeovibos*) и бизоны¹². Возможно, именно потомками этих животных являются современные американские овцебыки, бизоны и лоси. Миграции животных продолжались и в последующие периоды. А птицы Чукотского полуострова и долины Анадыря (канадский гусь, трясогузка, даллия) и в наши дни сохраняют связь с Америкой, совершая ежегодные перелеты до Калифорнии. В реках Сибири и Аляски встречаются одни и те же виды рыб: хариус, щука, чукучапа, голяки и другие. Флора Северной Америки изобилует сибирскими растениями. Они настолько «сибирские», что иногда американские ученые не могут определить их по материалам, которыми располагают.

Профессор Д. Хопкинс, например, в 1973 году привозил в наш Академгородок собранную им на Аляске коллекцию шишек ископаемой лиственницы и листьев ископаемых ив. Растения эти американские специалисты определить не смогли, они только указали, что это не американские, а сибирские виды и посоветовали обратиться за помощью к советским коллегам. Что Д. Хопкинс и сделал.

О роли древней Берингии в первоначальном заселении человеком Американского континента мы уже упоминали. Берингийская суша фактически была единственным путем, по которому первобытные охотники, населявшие просторы Сибири, могли проникнуть в Новый Свет.

В эпоху палеолита уровень материальной культуры был таким, что человек находился в прямой зависимости от естественно-географической среды. Первобытные охотники, к примеру, были «привязаны» к животным, подобно тому как в свое время индейцы камапчи и сну — к бизонам, или эскимосы внутренних районов Канады — к оленям-карибу. Они жили за счет животных, получая от них все необходимое для своего существования: строительный материал для жилищ, пищу, одежду, топливо и даже сырье для орудий. В погоне за добычей палеолитические охотники проникали все дальше и дальше в глубь неизведанных областей, куда мигрировали животные в поисках лучших пастбищ.

Следы кострищ этих палеолитических охотников, остатки их деятельности в виде каменных наконечников, по-

жей, скребков встречаются на огромном пространстве: от пустыни Гоби до американских Плато Шерри. Их находили в Восточной Сибири и в Якутии, на Амуре и в Приморье, на Камчатке и Аляске. Они как бы маркируют этапный путь, по которому в течение тысячелетийшло переселение людей из Центральной Азии в Америку.

В связи с этим небезынтересно вспомнить хорошо известную Центрально-Азиатскую экспедицию Американского музея естественных наук, направленную по инициативе знаменитого палеонтолога-дарвиниста Генри Ферфильда Осборна в глубь монгольских степей и пустынь для поисков недостающих звеньев в эволюции человека, а также вспомнить мысли о важной роли Центральной Азии в первоначальном заселении человеком Американского континента, высказанные в 20-х годах ее участником, широко образованным археологом Нельсом Христианом Нельсоном¹³.

Правда, в распоряжении Нельсона не было самого главного — древнейших палеолитических изделий, которые должны были принадлежать обитателям Монголии. Нужно думать, они, конечно, встречались американцу во время путешествий по пустыне Гоби, но так непохожи были эти вещи на хорошо известные Нельсону европейские стандарты, что он их не оценил должным образом, о чем ученый сам писал вполне определенно.

Открыть палеолит Центральной Азии посчастливилось советским ученым и их монгольским друзьям. Еще в 1949 году наша экспедиция впервые открыла и определила возраст серии палеолитических поселений в Монголии: сначала в окрестностях столицы Монгольской Народной Республики города Улаан-Батора, затем на реке Орхон у развалин столицы Монгольской мировой империи древнего Каракума, у подножия Гобийского Алтая, в бассейнах Керулена и Халхин-Гола. В дальнейшем были сделаны новые удивительные открытия¹⁴.

В свое время виднейший американский археолог Хэллам Мовнус выдвинул гипотезу о господстве примитивной галечной культуры к северу и востоку от Пенджаба¹⁵. И действительно, начиная со времени стоянки Улалинка¹⁶ вплоть до конца палеолита в Северной и Центральной (Монголии) Азии, широко представлены древнейшие культуры, в которых огромное значение имели простые, лишь частично обработанные гальки — чопперы и чопп-

пинги, как их называют археологи, а также массивные галечные орудия типа скребел.

Можно было подумать, что и на самом деле перед нами как бы два изначально чуждых друг другу мира — культура ручных рубил и культура галечных орудий.

И вдруг у древней святыни монголов, табуированной, запретной, горы Ярх на востоке страны, мы увидели по ходу нашей машины жилу желтой яшмовидной изверженной породы. Такой же чудесный материал для каменных орудий, как выходы красной яшмовидной породы у подножия Гобийского Алтая, в горах Арца-Богдо!

Мы сделали остановку и прямо под колесами автомобиля на полотне дороги увидели кусок этой породы, несомненно, побывавший в руках древнего человека. Еще несколько шагов по дороге, и мы наткнулись на бесспорный нуклеус, иначе говоря, заготовку, с которого снимались каменные пластины. А еще дальше на развеевной ветрам Гоби поверхности лежал такой предмет, один вид которого здесь, в Монголии, привел нас в смятение: все, что угодно, только не ручное рубило, не «бифас аббевилленского облика»!

Перед нашим удивленным взором предстало массивное орудие, обработанное с обеих сторон широкими сколами, такое же, какое можно увидеть на страницах любого учебника, где речь идет об ашельских или нельских ручных рубилах. Такие рубила приходилось находить в пыльной земле пустыни на берегах Шила. Но здесь, где, казалось, изначально выделялись галечные орудия и господствовала галечная техника, о такой находке нельзя было и мечтать.

За первой находкой такого рода у горы Ярх последовали новые. Перед нами расстилалась обширная возвышенность, где на каждом шагу встречались обработанные камни, в том числе характерные «бифасы», а вместе с ними нуклеусы и отщепы.

Следующую остановку мы сделали в 60 километрах к северу от районного центра Средней Гоби поселка Мандал-Гоби на краю глубокой и широкой впадины, которая не случайно носила название «Дно Гоби», так она была широка и просторна, а края ее обрамляли вертикальные обрывы черного базальта. Необычность ландшафта и следы бывшего здесь некогда озера обещали новые находки.

Так оно и случилось: на склоне возвышенности оказа-

лись каменные изделия палеолитического времени, в том числе и «бифасы», только более изящно и тщательно оформленные сколами и не столь крупные, как у горы Ярх. Среди них были, в частности, миндалевидные, или, как иногда пишут, «амгдалонидные» клинки — прямые потомки рубил с горы Ярх. А через два года далеко к западу от «Дня Гоби» у гор Арца-Богдо в Южной Гоби нам удалось открыть новое местонахождение древних поселений, некогда перекрытых дюнными толщами. Дюны ушли, и под ними оказались остатки кострищ древних обитателей этого края, а около них — каменные изделия, заставившие нас снова вспомнить гору Ярх и «Дно Гоби».

Читатель вправе спросить: причем тут Нельсон и «первые американцы»?

Дело в том, что в новых находках у Арца-Богдо поражало, с одной стороны, отсутствие керамики и их отличие от материалов, обнаруженных участниками Центрально-Азиатской американской экспедиции в Баиндзаке, в их «Шабарак-Усу». Это явно был памятник более древней и примитивной культуры.

С другой же стороны, не менее интересным было то, что обитатели Арца-Богдо широко пользовались техникой «бифасов». Они выделывали из кремня двусторонне обработанные клинки копий или пожей и пластины для составных пожей, у которых имелась деревянная или костяная основа с пазами для закрепления кремневого лезвия.

Налицо, таким образом, древняя и, по-видимому, непрерывная техническая традиция изготовления подобных клинков, которая уходит в отдаленнейшее прошлое Центральной Азии — к горе Ярх и «Дну Гоби».

Однако и самые ранние культуры каменного века Американского континента характеризуются именно такой технической традицией. На древнейших стоянках палеолитических охотников Америки между ребер ископаемых слонов сибирского типа — мамонтов — были обнаружены точно такие двусторонне обработанные клинки, служившие наконечникам метательного оружия и кинжалами для разделывания добычи.

Что же удивительного в том, что предки американских индейцев, или «палеоиндейцы», могли из этих районов Центральной Азии двинуться в просторные долины Прибайкалья и еще дальше — в Якутию, на Японские острова и, наконец, через исчезнувшую теперь берингийскую сушу на Аляску!

Конечно, только одного элемента материальной культуры еще недостаточно для того, чтобы строить столь широкие гипотетические конструкции. Но в свое время тот же Нельсон нашел на Аляске, на Университетской ферме в Фербенксе, загадочные изделия, которые археологи называют по-разному: то нуклеусы-скребки, то «клиновидные нуклеусы». Всего же точнее, на наш взгляд, назвать такие предметы торцовыми нуклеусами, поскольку пластины с них скалывались не по всему периметру, не с «брюшка» или «спинки», а с одного узкого края — торца.

Эти находки позволили Нельсону высказать смелое предположение, что именно они маркируют путь первых американцев из Гоби в Америку. Значит, и двусторонние обработанные клинки-наконечники, и кинжалы, и упомянутые загадочные изделия являются указателями, своего рода индикаторами древнейших контактов между Азией и Америкой.

В настоящее время выдвигаются различные гипотезы и высказываются разные точки зрения о времени и путях древнейших миграций палеоазиатов в Новый Свет. Одни исследователи, основываясь на радиоуглеродных датах стоянок Льюисвилл в штате Техас (37 000 и 38 000 лет назад), Тьюл Спрингс в штате Невада (28 000 и 32 000 лет), Санта Роса Айленд в штате Калифорния (30 000 лет), относят начальный этап заселения Америки к очень раннему времени — около 40 тысяч лет назад.

Известный археолог Луис Лики еще больше увеличил возраст «первых американцев». По его мнению, находки каменных предметов «в пустыне Мохаве в Южной Калифорнии показывают, что человек жил там по крайней мере 50 тысяч и даже очень вероятно 100 тысяч лет тому назад»¹⁷.

Большинство же исследователей склоняются к мысли, что впервые человек появился на Американском континенте около 27—25 тысяч лет назад. И, судя по хорошо датированным остаткам деятельности человека, обнаруженным в пещере Вилсон Батте в штате Айдахо (радиоуглеродная дата 15 000 лет) и на стоянке Тлапакая вблизи города Мехико (дата 23 000 лет), группы насельников около 23 тысяч лет назад уже достигли районов Мексики.

Археологи Честер С. Чард и Мюллер-Бек¹⁸, основываясь на данных палеогеографии, геологии и археологии, показали, что первое заселение Америки произошло несколько ранее: по Чарду — около 25 тысяч лет, по Мюллер-

Беку — около 28 тысяч лет назад. При этом раннее заселение Нового Света, по мнению Мюллер-Бека, происходило двумя волнами, первая из которых носит черты обобщенного среднего палеолита с мустьерскими традициями, вторая — обобщенного верхнего палеолита — ориньяка.

Близки к этим построениям и взгляды В. Хейпеса¹⁹. Выступая на симпозиуме в Хабаровске, он говорил, что присутствие в комплексах американской культуры Кловис таких предметов, как тщательно обработанные «бифасы», трехсторонние пластины-скребки и костяные изделия типа ножей, шилев, указывает на тесную связь этой культуры с культурами верхнепалеолитических охотников на мамонтов стоянок Костенки, Сунгирь, Кокорево, Афонтова гора.

По иному решает вопрос об истоках американских культур Мэри Вормингтон²⁰. Основываясь на находках двусторонне обработанных наконечников в палеолитических памятниках Южной Сибири, прежде всего в Усть-Канской пещере, она высказала гипотезу о том, что южносибирская культура, продвигаясь к Байкалу, смешалась здесь с азиатской традицией чошеров и затем распространилась к устью реки Лены и оттуда к Берингии.

Сходная точка зрения поддерживается Э. Вилмсоном, который находит параллели комплексам Когрук и Бритиш-Маунтин из Аляски в материалах стоянок Мальта и Буреть на Ангаре и палеолитических поселений в долине реки Лены и в этом усматривает связь палеолита Аляски и Сибири²¹.

Согласно взглядам другого американского археолога Ч. Чарда, первоначальное заселение Америки связано с волной переселенцев из Азии, культура которых характеризуется традициями чошеров и чоппингов. Истоки этой культуры Ч. Чард видит в восточноазиатских комплексах типа Диндунь в Северном Китае.

Видные исследователи древних культур американского Севера Ф. Вест и Д. Андерсон (США), участвовавшие в симпозиуме в Хабаровске, в противоположность этому считают, что только комплексы Денали на Аляске имеют бесспорные аналогии с позднепалеолитическими памятниками Северной Азии²². Это положение развивается также советскими археологами З. А. Абрамовой²³ и С. П. Астаховым²⁴. До недавнего времени в большинстве исследований, посвя-

ценных ранним переселенцам в Америку, преобладала точка зрения о западных путях миграций. При этом предполагалось два маршрута: 1) по тундрам и лесотундрам Якутии на Чукотку, а оттуда через Берингийский мост на Аляску; 2) от низовьев Лены (а в некоторых работах даже из Европы) по полярному побережью Азии через Берингию в Северную Америку.

В последние годы в научной литературе под влиянием новейших открытий постепенно формируется положение о тихоокеанских путях заселения Нового Света, которые проходили или вдоль Азиатского материка по Охотскому побережью, или по островам: Япония — Курильские — Камчатка — Алеутские.

Серьезный аргумент, подтверждающий тихоокеанский вариант движения к Американскому континенту, — открытие и исследование стоянки Анагула (возраст около 8—9 тысяч лет) на Алеутских островах. К раскопкам на Анагуле и ее каменной индустрии мы еще вернемся. А пока скажем, что целый ряд данных (например, находки в каньоне реки Фрезер в Британской Колумбии чопперов и специфических галечных орудий с носиком, аналогичных орудиям со стоянок Кумары и Осинька в Приморье, совпадения в некоторых типах каменных орудий палеолита Японии и Северной Америки) свидетельствует, что наряду с континентальными маршрутами важную роль в заселении северо-востока Азии и Северной Америки играло и тихоокеанское направление.

Итак, благодаря энтузиазму и усилиям многих ученых мы знаем теперь, что около 25 тысяч лет назад завершилось освоение человеком Северной Азии и ее северо-восточных окраин и началось заселение Северной Америки. Мы знаем также, что предками американских индейцев были палеолитические переселенцы из Азии. Намечаются и их предполагаемые маршруты миграций. Конечно, несмотря на эти значительные достижения в изучении проблемы первоначального заселения северо-востока Азии и Северной Америки, нельзя считать, что проблема эта разработана с необходимой полнотой и что все вполне ясно.

Чем дальше идет время, тем шире фронт работ в Азии и Америке, тем больше накапливается новых данных, но вместе с тем и все более усложняется общая картина исторического развития на севере Тихоокеанского бассейна, совсем не такая простая, как это могло показаться раньше.

Если не принимать во внимание сравнительно поздние контакты между Азией и Америкой, например те, о которых говорят памятники древнеэскимосской культуры возрастом не более двух последних тысячелетий, то для более раннего палеолитического времени остаются всего два специфических элемента, связывающих древние культуры этих континентов, — торцовые или гобийские нуклеусы и двусторонне обработанные клинки.

Не слишком ли этого мало? Не слишком ли узок круг искомым параллелей? А где же такие памятники и целые культуры, которые могли бы еще надежнее, еще прочнее связать два материка? Или же заселение человеком Нового Света происходило так давно, что к нему не имеют прямого отношения (как более поздние) найденные два элемента? А может быть, эти искомые самые ранние памятники, общие для Азии и Америки, потонули вместе с Берингией и покоятся на дне Берингова моря и потому недоступны археологам нашего века?

Тем важнее поиски новых, общих для каменного века двух материков, элементов древних культур и родственных памятников. Тем очевиднее необходимость объединения усилий ученых для освещения проблемы первоначального заселения человеком Американского континента. И не случайно после завершения симпозиума в Хабаровске по нашему приглашению оттуда для знакомства с Академгородком и работой новосибирских археологов прибыла группа его участников. В Новосибирске беседы по интересующей нас проблеме и связанным с ней другим вопросам продолжались. В. Лафлин и Ч. Борден даже выступили перед учеными Академгородка и студентами Новосибирского университета со специальными лекциями о своих исследованиях.

В этих беседах, протекавших в дружеской непринужденной обстановке, мы вспомнили добрым словом Алеша Хрдличку, его работы по истории переселений предков индейских племен и алеутов через тогдашний Берингов мост, его симпатию и живой интерес к работам советских исследователей в Сибири.

Не мог не вспомнить А. Хрдличку и Ральф Солецкий, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, сделавший одно из «открытий века». Он нашел замечательную пещеру Шанидар в Ираке, а в ней — захоронения неандертальцев и посвятил этой находке книгу с необычным названием — «Первые люди цветов»²⁵. Речь в ней идет о

том, что неандертальцы, похоронившие своих умерших в этой пещере, не только обеспечили сохранность останков одного из членов своей общины, у которого при жизни была ампутирована рука, но и засыпали погребения сородичей цветами. Да, да, именно цветами! Об этом говорит найденная в захоронении шанидарского палеоантропа цветочная пыльца. Факты эти — выражение не только достаточно развитых общественных связей, но и совершенно неожиданных для того времени эстетических чувств.

Новые находки в пещере Шанидар свидетельствовали, таким образом, в пользу старой теории о неандертальской фазе в становлении человека, иначе говоря, о близости духовного мира неандертальского человека к нашему, о генетической связи между этим примитивным еще человеком ледниковой эпохи и нами, «разумными» людьми, теории, убежденным сторонником которой был Ален Хрдличка.

Сенсационные открытия в пещере Шанидар, так блестяще подтвердившие общие выводы, сделанные на основе исследования пещеры Тешик-Таш с остатками мустьерского человека — неандертальца, явились как нельзя кстати. Ибо борьба между сторонниками взаимоисключающих взглядов на неандертальцев не затухает. И если в начале этой борьбы, едва ли не самой драматической в истории науки о человеке, стояли Хрдличка и Вирхов, то теперь она развернулась в, можно сказать, неожиданных формах. В нее вступил новый, правда, мифический, как оказалось, «герой» — «снежный человек», «йети». Тот самый «снежный человек», о котором еще недавно шумела пресса и на поиски которого была отправлена не одна экспедиция. Увы, безрезультатно...

Крупный советский историк В. Ф. Поршнев, ныне уже покойный, со всей силой своего полемического таланта выступил против ископаемого неандертальца как претендента на нашего предка, защищая существование «снежных людей», в которых он хотел видеть живых «палеоантропов», иначе говоря — неандертальцев нашего времени. Более широким методологическим фоном для своей борьбы за «снежного человека» он избрал теорию о том, что неандерталец трудился неосознанно, без представления о конечной цели своих операций по изготовлению орудий труда. Карл Маркс, как известно, писал, что в отличие от пчелы, создающей свои математически правильные по форме соты без осознания цели, инстинктивно, человек делает

свои орудия с определенным целевым заданием, по плану. С точки зрения Б. Ф. Поршнева, неандерталец выделял свои орудия не как человек, а как пчела, как животное, то есть инстинктивно.

Так, Рудольф Вирхов спустя сто лет получил неожиданную философскую поддержку, притом в статье, озаглавленной «Материализм против идеализма»²⁶. Идеалистами назывались сторонники неандертальцев, а материалистами их противники — охотники за «снежным человеком»...

Но вернемся в 1939 год.

Бурные события второй мировой войны не позволили сбыться мечте А. Хрдлички о том, чтобы его молодые ученики и соратники побывали на археологических раскопках в Сибири, в Средней Азии — в знаменитом ущелье, где находится пещера Тешик-Таш. Но в годы, когда наш народ ломал хребет фашистскому зверю, старый ученый всем сердцем был с советскими людьми. Со всей страстью борца он выступал в Соединенных Штатах за дружбу американского и советского народов. И не раз при этом в печатных своих выступлениях вспоминал встречи на Аляске, отдавая должное успехам советской археологической науки, вооруженной передовыми идеями нашего века.

Так на протяжении десятилетий старые прочные нити дружбы, начиная с визита Алеша Хрдлички в Бурет и Ленинград, общие научные интересы связывали сибирских археологов и американских исследователей, занимающихся проблемой первоначального заселения Американского континента человеком. Особенно после симпозиума по Берингии и последующего посещения американскими коллегами Академгородка в Новосибирске.

Но кто бы мог ожидать, что за этими визитами последует визит сибирских археологов в Америку! И не просто в Америку, а на Аляску и еще дальше — на овеянные древними легендами Алеутские острова? Более того, не простой визит дружбы, а совместная советско-американская экспедиция на затерянный в океане остров с мелодичным названием Апангула.

Такая экспедиция состоялась летом 1974 года. У «колыбели» ее, как мы видели, так или иначе стоял десятилетиями назад Алеш Хрдличка и... мальчик-неандерталец из Тешик-Таша!

Американские археологи, участвовавшие в симпозиуме по Берингии, познакомившись сначала в Хабаровске, а за-

тем в Новосибирске с археологическими коллекциями, были поражены богатством материалов и особенно тем, что многие сибирские вещи имеют прямые аналогии с материалами древних стоянок Аляски и Алеутских островов. Выражая общее мнение, Д. Хопкинс в интервью корреспонденту газеты «Тихоокеанская звезда» говорил: «Советским ученым удалось найти потрясающее количество материалов, которые удивительно похожи на то, что мы имеем на Аляске». И тогда же у американских специалистов возникла мысль пригласить сибирских ученых в Америку для непосредственного участия в раскопках. Профессор В. Лафлин (один из инициаторов этого приглашения) остроумно заметил: «Материалы, аналогичные орудиям Аляски, находятся в пустыне Гоби и в Сибири. Но пустыню Гоби и Сибирь трудно перенести на Аляску, проще экспертов по проблемам древних культур Сибири и Гоби пригласить в Америку».

Однако для осуществления идеи приглашения советских археологов из Сибири в Америку, на Алеуты, были нужны не только время, добрые пожелания, но и определенная материальная база, причем довольно солидная. И можно представить нашу радость, когда в начале июня 1974 года старший научный сотрудник Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР С. А. Троицкий, один из участников симпозиума в Хабаровске и наш друг, получил от профессора Лафлина письмо, в котором тот просил передать Окладникову следующее:

«Подготовка к Вашему визиту закончена. Мистер Хью Даунс будет рад Вас видеть вместе со многими старыми друзьями в Нью-Йорке. Передовой отряд уже на Умнаке, они откопали сейчас 11 скелетов на Чалуке. Раскоп на Анаугуле готов. Снимается покров вулканического пепла, так что Вы, д-р Васильевский и другие смогут копать прямо с культурного слоя. Палатки уже стоят. Как только мы прибудем, мы сможем осмотреть весь район Никольского залива, включая гору Всевидова и Речешный, деревню Никольское и стоянку Чалуку и Окибэй, после чего направимся работать на Анаугулу. Я подсчитал, что мы накопили 20 тысяч орудий для исследования в Новосибирске. Мы поделим коллекцию «прямо, сверху вниз посередине», используя старое выражение Дальнего Запада. Мы очень ждем исследовательского визита академика А. П. Окладникова».

И в подкрепление этому частному письму пришло официальное послание из Национальной Академии Соединенных Штатов, направленное президенту нашей Академии М. В. Келдышу. Текст этого письма гласил:

Национальная Академия Наук
Кабинет Президента
Конститушоп Авеню 2101
Вашингтон, Штат Колумбия 20418

23 января 1974 года

Академику Келдышу
Президенту Академии наук СССР
Ленинский проспект, 14
Москва, СССР

Уважаемый президент Келдыш!

От имени Национальной Академии наук США я с радостью поддерживаю приглашение профессора Вильяма С. Лафлина, заведующего отделением биологической антропологии Коннектикутского университета, Сторс, Коннектикут, в адрес академика А. П. Окладникова из Института истории, филологии и философии Академии наук СССР посетить США сроком на 2 месяца, желательно в течение мая — июня 1974 года. Это приглашение, осуществляемое в соответствии с параграфом 8 межакадемического соглашения, также подразумевает приезд четверых молодых коллег академика Окладникова.

Профессор Лафлин сообщил нам о том, что во время визита академик Окладников обсудит с американскими коллегами вопросы, связанные с восточным побережьем США, и ознакомится с антропологическими коллекциями Американского музея естественной истории в Нью-Йорке, Коннектикутского университета и Музея Гарвардского университета в Пибоди. Затем он и его группа, сопровождаемые профессором Лафлиным, отправятся на Алля-

ку, где они будут иметь возможность ознакомиться с археологическими работами, ведущимися на нескольких островах Алеутской цепи. Я полагаю, что принимающая сторона готова оплатить транспортные расходы по пребыванию группы внутри США и расходы на проживание.

Я с удовольствием сообщаю Вам о поддержке нашей Академией приглашения профессора Лафлина и надеюсь, что при Вашем содействии оно будет принято академиком Окладниковым.

Искренне Ваш,
Филип Хэндлер,
президент.

ИЗ АЗИИ
В АМЕРИКУ
ПО СЛЕДАМ
ДРЕВНИХ
КУЛЬТУР

ВСТРЕЧИ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Мы поднялись над Москвой ранним утром и весь день летели вслед за солнцем. Остались позади Копенгаген, Лондон, туманы Атлантики. И вот уже наш серебристый ИЛ-62 делает разворот над морем разноцветных огней вечернего Нью-Йорка. Посадка в аэропорту Кеннеди. Огромный современный аэропорт, сотни самолетов авиаконаний многих стран мира, жарко. Душный влажный воздух. Спасаемся в здании аэропорта, охлажденном мощными кондиционерами. Таможенные формальности — и мы в США.

Нас встречают. Среди встречающих уже знакомые профессор Вильям Лафлин, Хью Даунс и Джим Айгнер — археолог, изучающая древние культуры Алеутских островов. Дружеские приветствия, пожелания успехов.

В аэровокзале приметы новых веяний: появились надписи на русском языке, которые несколько лет назад нельзя было представить. В центральной галерее, например, бросается в глаза ярко и крупно написанное «Добро пожаловать!».

Мчимся по вечернему Нью-Йорку. Его авеню и стриты по сравнению с летом 1973 года стали темнее. Даже на Бродвее

нет привычной «ярмарки огней» — энергетической кризис. Остаиваемся в отеле с романтическим названием «Алгонкии». Это на 44-й стрит, совсем недалеко от Бродвея.

Судя по всему, мы не случайно оказались в «Алгонкии». Наш друг Вильям Лафлин давно и хорошо известен в этом отеле, можно сказать, свой человек в нем. Здесь радушно, по-домашнему встретили и его самого, и нас — его гостей и коллег по науке.

После ужина уточняем программу наших работ. Она насыщена до предела. Помимо совместных раскопок на Алеутских островах (Анангула, Умнак) планируются посещения университетских центров и музеев в Нью-Йорке, Коннектикуте, Анкоридже, Фербенксе, встречи с американскими учеными, осмотр археологических коллекций, поездки на места древних стоянок Камнус, Драй Крик, Денали на Аляске.

Главная цель путешествия — рассмотрение двух увлекательных и в то же время сложных проблем тихоокеанской археологии. Об одной из них речь уже шла — это проблема первоначального заселения человеком Северной Америки. Наши работы, таким образом, — продолжение исследований, начатых А. Хрдличкой, и тех дискуссий, которые были на симпозиуме по проблеме Берингийской суши в Хабаровске.

Истоки и развитие культур, экономика которых основывалась на промысле морских животных, — другая проблема наших совместных с американскими учеными работ. Интерес к этой проблеме в последние годы очень вырос. Она была в центре внимания на Международных конгрессах антропологических и этнографических наук в Москве (1964 г.), Токио (1968 г.) и Чикаго (1973 г.).

Удивительного в этом ничего нет. Культуры морских охотников — яркий пример адаптации к приморскому образу жизни в приполярной зоне. Появление у приморского населения — предков чукчей, коряков, алеутов, эскимосов — прочного зимнего полуподземного жилища, теплой меховой одежды типа комбинезона, легких байдар и каяков из шкур морского зверя, бытового и производственного инвентаря, включая костяные поворотные гарпуны, привело к формированию высокоспециализированных культур морских зверобоев и в конечном счете сделало возможным освоение человеком морских побережий Тихого и Ледови-

того океанов. По своей значимости в общечеловеческом прогрессе это событие можно сравнить с возникновением и распространением земледелия в южных областях с благоприятными климатическими условиями.

Долгое время считалось, что возникновение приморских культур — событие в историческом масштабе довольно позднее: в лучшем случае эпохи неолита или даже железного века. Некоторые ученые местом формирования этих культур считали южные районы, полагая, что в область Берингова моря мигрировали уже сформировавшиеся культуры, с готовым специализированным набором орудий для морской охоты. В свете новейших исследований стало очевидным, что корни приморских культур нужно искать на севере Тихоокеанского бассейна и в более ранних пластах, чем предполагалось.

Что же могло оказать значительное влияние на формирование приморских культур? Прежде всего климатические и экологические изменения. Резкое потепление климата около 10 тысяч лет назад вызвало исчезновение крупных наземных млекопитающих (таких, как мамонт), а повышение температуры вод от 6 до 10 градусов привело к изменению морской фауны. Количественно и качественно изменился планктон и, как следствие, более многочисленными стали киты, ластоногие и другие морские млекопитающие. Приспосабливаясь к этим новым условиям, к новым формам экономики вынуждены были переходить и люди, превращаясь из охотников тундры в морских зверобоев.

На территории азиатской части СССР стоянки древних зверобоев были открыты на Сахалине, Охотском побережье, Камчатке и Чукотке.

Как шло развитие приморских культур на Американском континенте, какие взаимоотношения у них были с культурами тихоокеанского побережья Азии? Ответы на эти вопросы должны были дать раскопки на Алеутских островах.

АНКОРИДЖ — ВОРОТА АЛЯСКИ

Из Нью-Йорка совершаем бросок почти через весь континент к Тихоокеанскому побережью. Вот и Аляска. Узкий, длинный полуостров на северо-западе Америки. 49-й штат США. Наиболее крупные города Аляски — Анкоридж, Джуно (административный центр), Фербенке, Ном, Ситл.

Наше знакомство с Аляской начинается с неожиданно шумной встречи в аэропорту Анкориджа. Гости из Советского Союза здесь бывают нечасто. И на нас смотрят, как говорится, во все глаза. Мы попадаем в окружение представителей местного университета, Алеутской корпорации, журналистов газет и телевидения. Щелкают блицы, нас засыпают вопросами...

Лилли Мак Гарвей — ответственный секретарь Алеутской корпорации, говорит, что нас очень ждут в Анкоридже и на Алеутских островах, что мы почувствуем здесь доброе отношение многих людей. Впоследствии мы не раз вспоминали эти слова. Так и было на самом деле.

На следующий день анкориджские газеты поместили на первых полосах пространные статьи и фотографии, посвя-

ценные визиту советских ученых, который назывался «превосходным» событием.

«Анкоридж дейли таймс», в частности, писала: «Пять русских археологов прибыли вчера в Анкоридж и остановились в отеле «Западный». Они пробудут до конца недели, а потом вылетят на Алеутские острова.

В настоящее время А. П. Окладников работает над биографией миссионера Ивана Вениаминова, родившегося в одной с ним деревне. Вениаминов приехал на Аляску в 1824 г. и построил церковь в селе Уналашка. Он работал с алеутами, создал их алфавит, написал учебник на русском и алеутском языках.

Члены делегации в течение пяти недель будут вести раскопки в районе села Никольское вместе с доктором В. С. Лафлиным, который с 1938 года регулярно проводит там полевые исследования.

Знакомясь с материалами раскопок, русские пытаются найти ответ на вопрос: пришли ли алеуты из Сибири или их прародина — другой район Земли?

„Мы знаем, куда пришли мигранты, но не знаем, откуда. Русские же, наоборот, знают, откуда они шли, но не знают, куда пришли”, — сообщил вчера в Нью-Йорке представителям прессы профессор университета Коннектикут В. С. Лафлин. Его мысль продолжил А. П. Окладников: „Вам известно одно, нам — другое, а вместе мы можем открыть нечто фантастическое”.

Знакомство с Анкориджским университетом начинаем с осмотра лабораторий и библиотеки. В фондах библиотеки много русских документов периода Российско-Американской компании, сыгравшей очень важную роль в истории освоения Северо-Западной Америки и особенно Аляски. Приятно видеть на полках переизданные на английском языке работы советских ученых, этнографический Атлас народов Сибири, сборники трудов по антропологии, этнографии и другие. В университете создана группа по изучению русского языка. Занятия проводятся два раза в неделю. Лаборатории лингвистики и антропологии хорошо оснащены, а вот археологической лаборатории нет. Нам поясняют: «У вас археология — часть исторической науки. У нас же отдельно выделяется „предыстория”, которая ошибочно относится к антропологии».

Нужно сказать, что критическое отношение к методам исследований, используемым в США, начинает все чаще

проявляться в среде прогрессивно настроенных американских археологов. В их работах намечается интерес к общетеоретическим проблемам, к изучению исторического процесса на археологических материалах. Характерно, что наиболее отчетливо такие сдвиги к общен историческим оценок при изучении древних культур отмечаются у тех американских археологов, которые тесно контактируют с советскими научными учреждениями и учеными. Можно, в частности, сослаться на работы известного американского специалиста Честера Чарда, который уделяет большое внимание рассмотрению на широком историческом фоне проблем происхождения древних культур северной части Тихого океана, привлекая при этом труды советских исследователей.

Анкориджские газеты не оставили без внимания наше посещение университетского центра. Одна из них сообщила своим читателям: «Хотя конец недели обещал быть спокойным и всем студентам полагался четырехдневный отпуск, колледж общественных наук и университетская библиотека в городе Анкоридже на Аляске принимали в субботу гостей. Пять русских археологов побывали здесь после обеда, предложенного им в отеле «Капитан Кук».

Университет понравился русским. Глава делегации — всемирно известный исследователь А. П. Окладников. Ему приятно было узнать, что в библиотеке колледжа есть три написанные им книги.

Академик Окладников — директор Института истории, филологии и философии в Новосибирске. Саша Конопалкин — старший лаборант и переводчик группы. Виталий Елифанович Ларичев — заведующий сектором. Увешанный фотоаппаратами, он снимал кадр за кадром, а репортер зеленел от зависти. Анатолий Паителевич Дервянко — заместитель директора Института. Заведующий археологической лабораторией Руслан Сергеевич Васильевский подарил университетской библиотеке свою книгу о древних культурах Тихого океана».

Из университета едем смотреть глетчер. Обязанности гида и шофера добровольно берет на себя Дэвид Хоккинс, специально приехавший из Канады, чтобы встретиться с нашей группой.

Дорога идет вдоль живописного побережья залива Кук Иллет. Его серо-свинцовые воды, небольшие уютные бухточки, сопки, покрытые лесом, узкие распадки — все на-

Образцы алеутского искусства. Музей Анкориджа.

помипает знакомые ландшафты Охотского побережья, бухту Нагаева с ее приметной Марчеканской сопкой. Великолепен сам ледник, сползающий в долину и разбрасывающий здесь девственно чистые сколы льда, причудливо сверкающие в лучах заходящего солнца. Зрелище поистине незабываемое!

И снова мы в Анкоридже. Знакомство наше с городом продолжается.

Еще недавно Анкоридж был небольшим поселком. Основанный в конце прошлого столетия в период «золотой лихорадки», он, однако, оказался в стороне от основных золотоносных месторождений и быстро захирел. Даже строительство в 1914—1915 годах Аляскинской железной дороги и бум, вызванный этим строительством, не оживили Анкориджа. Он оставался провинциальным поселением и после второй мировой войны, хотя и получил статус города. Лишь открытие в конце 50-х годов нефти на Кенайском полуострове и на побережье залива Кук миллет стимулировало развитие этого города. Особенно быстро начал расти Анкоридж после землетрясения 1964 года, когда старый город фактически был уничтожен и начал отстраиваться новый. Сейчас это крупнейший и самый быстрорастущий город Аляски. По планировке он напоминает шахматную доску, где основные фигуры одно-

Маска индейцев атапасков. Музей Анкориджа.

которая потрясает в последнее время север Америки. По данным еженедельника «Anchorage Daily Times», в районе Анкориджа проживает половина населения Аляски (около 145 тысяч человек в 1973 году). Если еще десять лет назад воротами Аляски считался Сиэтл, то теперь эта роль принадлежит Анкориджу. Здесь располагается крупный морской порт и самый крупный на Аляске международный аэропорт, связывающий полуостров не только с Северной и Центральной Америкой, но и со странами Юго-Восточной Азии.

Большое место в экономике Анкориджа занимает туризм и туристский транзит. К туризму здесь относятся серьезно, как ко второй по значению (после нефти) «индустрии» города.

Рекламные щиты, яркие проспекты сообщают:

— Путешествуя по Аляске (а почти все маршруты начинаются с Анкориджа. — *Ред.*) можно:

— Познакомиться с добычей золота в Номе и близ Фербенкса.

— Узнать многие истории пребывания русских в Америке.

— Побывать в феврале на пушном аукционе в Анкоридже.

— Посетить праздник «День золота» в Фербенксе,

двухэтажные дома, а в центре возвышаются высотные здания офисов, отелей и, конечно, банков — самых почитаемых в Америке учреждений.

Несколько факторов определяет процветание Анкориджа: удобное географическое положение, довольно благоприятные климатические условия, но главное, конечно, нефть и транспортные связи. Анкоридж как бы стал центром новой, теперь уже «нефтяной лихорадки»,

— Посмотреть в августе историческую драму «Плач дикой овцы» на Кадьяке...

И это привлекает тысячи людей.

Вспоминается встреча в Алеутской авиакомпании «Reeve Aleutian Airways». Когда В. Лафлин, представляя нас ее владельцу Бобу Риву, сказал, что это ученые из Советского Союза, тот засветился в улыбке. Его улыбка была искренней, а рукопожатие крепким. В прошлом полярный летчик, Боб Рив принимал участие в челюскинской эпопее, летал во Владивосток, в годы второй мировой войны участвовал в транспортировке через Аляску самолетов для Советского Союза. Он знает советских летчиков и тепло говорит о них. Его офис превращен в своеобразный музей: модели самолетов, памятные вымпелы, сувениры, фотографии. По ним можно проследить почти всю историю авиации на Аляске. Есть фотографии наших полярных летчиков С. А. Леваневского, М. Т. Слепнева.

Сейчас семь самолетов Боба Рива совершают регулярные рейсы на Алеутские острова. На одном из этих самолетов к цели своего путешествия летим и мы.

После взлета стюардесса вместо традиционного обращения к пассажирам говорит от имени экипажа: «Приветствуем на борту нашего самолета друзей из Советского Союза. Спасибо за то, что прибыли к нам».

Нужно сказать, что такое внимание к нам — представителям советского народа — мы ощущали постоянно. Простые американцы, алеуты принимали нас очень радушно. И этот дух доброжелательности, бесспорно, — результат того коренного перелома, который произошел за последнее время во взаимоотношениях двух великих государств.

Самолет летит на запад над цепью суровых гор. Это Алеутский хребет, протянувшийся от Анкориджа до Алеутских островов — его естественного продолжения. В. Лафлин позаботился, чтобы наши места были у плюмпаторов, и мы любуемся покрытыми снегом остроконечными вулканами — самыми северными в длинной цепи вулканов, разбросанных на многотысячном пространстве Тихоокеанского Севера. Некоторые из них действующие и слегка дымятся. В Алеутской цепи (включая острова) более 50 вулканов. Многие из них носят русские названия: Велиамина, Павлова, Шпшадли, Макушин, Речешный, Всевидов.

Отвлекаясь от проносящихся внизу горных пейзажей, спрашиваем В. Лафлина, знает ли он старинную алеутскую легенду о борьбе между вулканами Макушиным и Речешным? Тот утвердительно кивает головой.

Как повествует легенда, все огнедышащие горы двух алеутских островов Упалашки и Умнака заспорили между собой: какая из них самая сильная и у какой больше внутреннего огня? В длительном споре первенство захватили два вулкана: Макушин на Упалашке и Речешный

на Умняке. Одержав победу над своими соперниками, они вступили в жестокое единоборство между собой. Эта гибельная для всего окружающего борьба продолжалась несколько дней. В небо вздымались столбы дыма и огня, летели раскаленные камни и пепел. Но вот силы стали покидать Реченный. В последний раз бросил он в своего противника огненные камни и погас навсегда. Но с кем стало соперничать победителю. Поворчал он еще немного да и успокоился. И поныне почивает Макушин, лишь слегка дымясь.

Вулкан Вениаминова, залив Павлова, остров Чирикова, пролив Шелихова, мыс Лазарева, бухта Павла... На географической карте Америки увековечены имена русских землепроходцев XVIII столетия, которые, «не жалея живота своего», шли «проедывать новые земли», приумножая славу России.

Впервые русские достигли берегов Северной Америки в 1732 году. Выйдя из Нижнекамчатска, судно «Гавриил» под командой геодезиста Михаила Гвоздева и штурмана Ивана Федорова, преодолев неистовые волны и жестокие ветры Берингова моря, в последние дни августа подошло к крутым утесам неведомой земли и стало на якорь несколько южнее мыса Прища Уэльского. Эта дата и считается датой открытия Аляски.

В начале июня 1741 года к берегам Северо-Западной Америки отправились пакетботы «Святой Петр» и «Святой Павел» так называемой Второй Камчатской экспедиции, организованной по специальному императорскому указу. Первым судном командовал капитан Витус Беринг, вторым — талантливый морской офицер Алексей Чириков. Вскоре после выхода из Петропавловской бухты во время сильного шторма и тумана, опустившегося на море, пакетботы потеряли друг друга из виду и уже больше не встретились.

Американского континента суда достигли в различных пунктах. Экипаж судна Беринга видел исполинскую снеговую вершину горы Святого Ильи и побывал на острове Каяк. Судно Чирикова подошло к побережью Америки значительно южнее ($55^{\circ}21'$ северной широты). В течение шести суток оно следовало на север вдоль берега почти 350 км. Далее пакетбот «Святой Павел» прошел вдоль полуострова Аляска, Алеутского архипелага и благополучно вернулся на Камчатку.

Трагически сложилась судьба командора В. Беринга. Возвращаясь от берегов Нового Света, он погиб в море между двумя великими материками. Остров, который стал могилой Беринга, позже был назван его именем, а вся группа островов — Командорскими.

После экспедиции Беринга — Чирикова русские суда начинают систематически посещать район Алеутских островов и побережье Северо-Западной Америки. До конца XVIII столетия здесь побывало более 80 исследовательских и торгово-промышленных экспедиций²⁷.

В середине 50-х годов XVIII столетия Михаил Неводчиков и Андреян Толстых открывают группу Андреяновских островов. В 1759 году Степан Глотов на боте «Юлиан» подошел к острову Умпак. За два года пребывания в этих местах он ознакомился почти со всеми островами из группы Лисьих и составил первую, довольно обстоятельную по тому времени, карту восьми из них, начиная с Уналашки. Описание этих островов тогда же было сделано казаком Пономаревым.

В 1768—1769 годах в районе Лисьих островов зимовали суда экспедиции П. К. Креницына и М. Д. Левашова, впервые астрономически определившие положение этой группы островов. Самая удобная бухта на Уналашке в честь этих исследователей была названа Капитанской.

С 1775 по 1784 год Алеутские острова посетила не одна торгово-промышленная экспедиция. А в 1784 году Григорий Шелихов основывает на острове Кадьяк первое постоянное русское поселение.

Интерес России к Алеутским островам не ослабевает. В 1791—1792 годах русским правительством снаряжается географическая экспедиция под руководством П. И. Билингса и Г. А. Сарычева — составителя первой подробной карты и описания Алеутских островов.

Предприимчивые Григорий Шелихов и Иван Голиков организует «Соединенную американскую компанию», которая в 1799 году преобразуется в знаменитую «Российско-Американскую компанию», положившую начало Русской Америке.

С этого времени русские начинают обживать Новый Свет. Большую роль в освоении североамериканских земель и в особенности Аляски сыграл первый главный правитель этой компании Александр Баранов (1790—1818 гг.) — «железный правитель богатого края», как на-

зывают его американские псторчки. Суровый и непреклонный, Александр Баранов был в то же время энергичным и деятельным человеком. Именно во время его правления в разные районы Северной Америки направлялись поисковые группы и артели промышленников, основывались новые поселения, строились небольшие укрепленные города.

За несколько лет северо-западное побережье Америки буквально покрылось русскими селениями. На острове Ситха выросла столица Русской Америки — Ново-Архангельск. Недалеко от современного Сан-Франциско был создан форт Росс — самое южное из русских поселений в Америке. Появляются селения на восточном берегу Кенайского полуострова и в долине реки Медной (Копер).

По мнению американского исследователя К. Г. Стоуна, занимавшегося изучением истории русских поселений на Аляске, 47 современных американских населенных пунктов основаны на местах бывших русских поселений периода 1784—1867 годов.

Осваивая Северо-Западную Америку, русские наряду с морским и пушным промыслом заводили хлебопашество, скотоводство, огородничество, вели исследования и эксплуатацию недр, пытались установить торговые связи с «Японией, Китаем, Индией, Филиппинскими и прочими островами, по Америке же — с гишпанцами и с американцами»²⁸.

Русскими в 1848—1850 годах были обнаружены и исследованы залежи каменного угля в Английской бухте на Кенайском полуострове и начаты его промышленные разработки; на островах Кадьяк и Уналашка организовано кирпичное производство. Недра Кенайского полуострова оказались богатыми нефтью и торфом, а долина реки Медной — медной рудой²⁹.

Направляются экспедиции (Васильева, Глазунова, Кашеварова, Загоскина и других) во внутренние еще неизведанные районы Аляски по течению рек Юкона и Кукоквима, а также к Нушагакским озерам. Экспедиции эти дали ценные материалы по экономике, географии и этнографии Аляски. По инициативе Г. И. Шелихова создаются школы, где дети туземцев обучались «российской словесности и наукам» — мореплаванью, арифметике...

Совершенно справедливо писал американский историк Баррет Виллафби, что «Знания об Аляске начинаются с Ситхи, открытой русскими»³⁰. Еще более определенно

о роли Росейско-Американской компании в освоении Северо-Западной Америки высказывался канадский исследователь Р. Пирс. Выступая на конференции по истории Аляски в Анкоридже, он говорил: «Россия заложила фундамент экономики Аляски. Ее поселенцы сделали первые удачные попытки развития сельского хозяйства. Они начали эксплуатацию лесных и рыбных ресурсов. Геологи Дорошин и Фуругельм предприняли исследования мисцеральных ресурсов, особенно угля, который добывался на полуострове Кенай. Добыча пушнины велась с первых дней русского господства и играла значительную роль на мировых рынках. В последний период русской истории были предприняты меры по охране пушных ресурсов. Сверх того было развито судоходное сообщение вдоль северо-западного побережья Америки, установлены транспортные линии между далекими русскими факториями и прочими поселениями, возникли торговые связи с Викторией, Сан-Франциско и другими центрами»³¹.

На Аляске и Алеутских островах и поныне сохранилось очень много свидетельств пребывания русских. Даже есть еще русские поселения, где живут по старинным обычаям. Об одной из таких деревень рассказала газета «Anchorage Daily Times» в своем августовском номере. Деревня эта располагается в лесной глуши полуострова Кенай, примерно в двухстах милях к юго-западу от Анкориджа. Живет в деревне около 300 поселенцев. Занимаются они рыбной ловлей и по контрактам работают на местной лесопилке. В деревне свято чтут старые обычаи, исповедуется религия такой, какой она была на Руси в XVI веке, до раскола церкви. Ноощряются ранние браки и только между своими. Жители носят старинную русскую одежду. Ребятишки играют в русские игры и говорят на русском языке.

Лет десять назад эти русские жили в Орегоне, который покинули, потому что их дети-подростки начали употреблять наркотики. С жителями окрестных ранчо и поселков у них установились неплохие отношения. Хотя, как сообщает газета, случаются и конфликты. Так, один владелец магазина скобяных товаров отказался пускать русских поселенцев в свой магазин. «Они,— говорила одна из жительниц деревни,— хотят, чтобы русские убирались отсюда. Но русские поселились здесь раньше их, еще в восемнадцатом столетии». Староста деревни Мартушев на вопрос корреспондента «Anchorage Daily Times» ответил:

«Жизнь здесь не легка, но все-таки люди могут здесь жить».

Есть русские поселения и на острове Кадьяк. В Анкоридже мы были в гостях у Антонины Федоровны Шалкоп (Беньовской), оказавшейся праправнучкой Мориса Беньовского, имя которого в 70-х годах XVIII столетия вызывало страх у царских сановников. Польский полковник, сосланный на далекую Камчатку за антицарские выступления, Морис Беньовский в 1771 году поднял в Большерецке восстание ссыльных и вместе с примкнувшими к нему казаками местного гарнизона, захватив небольшое судно, совершил на нем достойное удивления плавание.

Утлое суденышко, ведомое смельчаками, прошло вдоль Курильской гряды, Японских островов, обогнуло Тайвань и бросило якорь в бухте Макао. Сменив там потрепанное шхотом судно, Морис Беньовский с оставшимся верным ему экипажем обошел Азию, Африку и достиг берегов Европы. Жизненная судьба его была полна приключений. Он пытался организовать на Мадагаскаре «вольное поселение», «свободную колонию», стать губернатором острова, вел тайные переговоры с французским правительством и был предан им. Оказавшись в Америке, Беньовский выступал за независимость Соединенных Штатов. Потом он снова попал на Мадагаскар, где и погиб, сражаясь в рядах мальганей против французов.

Антонина Шалкоп занимается изучением русской культуры на Аляске. Незадолго до нашего приезда она посетила на острове Кадьяк русские семьи и сделала магнитофонные записи. Мы смогли послушать русские старинные народные песни, рассказ пожилой русской женщины о жизни русских поселенцев на Кадьяке.

Сильны русские традиции и на Алеутских островах. Алеуты носят русские имена и фамилии: Сергей Суворов, Даниил Крюков, Иван Илотников, Пелагея Дьякова, Аграфена Душкила и т. д. В их языке около тридцати процентов слов русского происхождения (хлеб — клибах, чайник — чаниках, шахматы — шахох, пожик — цусах и другие), а в быту сохранились русские утварь и обычаи. Наконец, нельзя не сказать о русских церквях в Никольском и Упалашке. Они играли большую роль в истории Аляски и Алеутских островов не только как место религиозных культов, но и как один из первых форпостов русского влияния. И это их значение сохраняется до сих пор.

Схема важнейших археологических памятников Алеутских островов, 1 — мыс Круглый; 2 — Чалука; 3 — Анагула; 4 — остров Кагамил (пещеры с мумиями); 5 — Санди Бич; 6 — Углудах; 7 — Спли-Рок; 8 — Порт Моллер.

К русской истории на Аляске относятся с уважением. И это понятно: более ста лет эта территория называлась Русской Америкой.

Сотрудник музея истории и искусства в Анкоридже, знакомя нас с экспозицией, посвященной русским открытиям на Аляске, говорил: «Русский период на Аляске — часть нашего прошлого, и мы дорожим им».

Наш полет между тем продолжается. Под крылом мелькает узкая полоска пролива Фолс-Пасс, соединяющего Тихий океан и Берингово море. За ним начинаются Алеутские острова. Их общая площадь равна 37 840 квадратным километрам. Выделяется четыре группы островов (с запада на восток) — Ближние (наиболее крупные Атту, Агатту), Крысьи (Кыска, Амчитка), Андреяновские (Танага, Адак, Атка), Лисьи (Умнак, Уналашка, Унимак).

Мы проносимся над северным побережьем острова Унимак — первым, если лететь на запад, и самым большим островом в Алеутском архипелаге. Почти в центре

Палеогеографическая карта района Алеутских островов. Линией обозначены контуры древней суши.

его расположен наиболее высокий (3073 метров) из действующих вулканов алеутской цепи — Шипалин. Его конусообразная, покрытая снегом вершина напоминает Фудзияму. Пролетаем над островами Акутан и Уналга. Еще несколько минут полета — и появляются северные берега Уналашки (Уналяски) — второго по величине острова Алеутского архипелага.

Самолет совершает посадку в Датч Харборе. Небольшое одноэтажное, покрытое оцинкованным железом здание аэровокзала. Пестрая толпа — встречающие, провожающие и просто любопытствующие. Картина, напоминающая встречи первых теплоходов в наших северных поселках.

Во время второй мировой войны Датч Харбор был крупной военно-морской базой США. Нам рассказывают, что здесь находилось около 60 тысяч военнослужащих. От военного времени остались полуразрушенные казармы и серые, заросшие травой кольяки доков по берегу.

Из Датч Харбора на небольшом боте переправляемся на Уналашку. Поселок, possessing одинаковое с островом название, — самый большой на Алеутских островах. Жители этим гордятся и называют его Sili.

У причала поселка Уналанка нас уже поджидал выдавший виды пикап. Грузим вещи. Пикап уходит вперед, а мы идем пешком, знакомясь с этим интереснейшим для историков населенным пунктом.

Уналанка — центр русской просветительской деятельности на Алеутах в прошлом столетии. Здесь на Уналанке мореходом Иваном Соловьевым было основано первое в Северо-Западной Америке постоянное русское поселение — Согласия. По поводу даты его основания все еще идут споры. Одни исследователи считают, что поселение появилось во время первого пребывания русских промышленников на островах Умнак и Уналанка в 1759—1761 годах, другие полагают, что И. Соловьев основал селение Согласия между 1772 и 1775 годами. Во всяком случае, когда в 1778 году у алеутских берегов побывала английская экспедиция Дж. Кука, ее участники сообщали: «Русские живут на всех главных островах между Уналашкой и Камчаткой... впервые осели они на Уналанке, судя по их влиянию на туземное население, довольно давно»³².

Во время пребывания в Уналанке П. Веняминова (1826—1834) там размещалась контора Российско-Американской компании, были начальное училище с 22 учениками (открытое в 1825 году), больница на 8 человек, воспитательный дом для сирот алеутов и креолов, 3 магазина, деревянная церковь с колокольней, 10 деревянных жилых домов и 27 юрт. В 1834 году в деревне проживало около 300 человек, в том числе 75 русских и креолов. Служащие компании разводили свиней, кур, уток, занимались огородничеством, возделывая репу, картофель, который давал неплохие урожаи. Кроме того, компании принадлежал скотный двор, где содержалось 45 коров. В 1835 году часть коров была роздана местным жителям с тем, чтобы познакомить их с «пользю и выгодою скотоводства».

Осматриваем старинные русские дома, церковь с богатым иконостасом, украшенным колоннами и резьбой, здание коммерческой конторы Российско-Американской компании. Стоим под густыми кронами деревьев, посаженных П. Веняминовым в 1830 году, — единственных на остро-

вах. На каждом шагу оживают страницы русской истории...

Вечером лекция в Историческом обществе при Высшей школе Уналашки — «Древние культуры Алеутских островов, проблемы их заселения и связей с культурами Азии». Зал переполнен. Выступают В. Лафлин и А. П. Окладников. Переводит Саша Конопацкий. Это его первый публичный перевод, и мы за него волнуемся. Но он успешно справляется со своими обязанностями.

Много вопросов. Спрашивают о наших планах и целях пребывания, о раскопках в Сибири, о школах для народов Севера в Советском Союзе, о Новосибирске и Академгородке, приглашают побывать в гостях:

— Вы первые советские люди у нас.

— Мы симпатизируем вам и вашей стране.

Мы благодарим за гостеприимство, но от приглашений отказываемся. Нет времени. Вся программа жестко распланирована.

Уналашка была первым алеутским островом в маршруте наших работ. Отсюда летим на Умнак и Алаутулу.

УМНАК

Умнак — третий по величине остров Алеутского архипелага и самый первый из открытых русскими. По преданиям, сохранившимся среди алеутов, именно вблизи мыса Удак на тихоокеанском побережье этого острова проходило судно В. Беринга, возвращавшегося из Америки на Камчатку.

По форме остров напоминает гигантские гантели, вытянутые с юго-запада на северо-восток на 75 миль, при наибольшей ширине, равной 17 милям. В северо-восточной его части возвышаются два вулкана — Акмак и Тулик. В центре вулкана Акмак находится кальдера — одна из самых больших в мире. Ее диаметр около 7 миль.

От юго-восточного края кальдеры поднимается вулкан Тулик. Ныне он спокоен. В последний раз вулкан бушевал в 1945 году, но и по сей день называют его «Исмей» или «Уунамей ви ханатуу», что значит «Сильный человек Умнака».

В юго-западной части острова над окружающей местностью господствуют вулканы Речешный и Всевидова. От южного склона горы Всевидова и до юго-западной оконечности острова простираются невысокие холмы, поросшие травой и мхом,

Ложбины между этими холмами заполнены тупдровыми озерами, самое крупное из которых Умиак. Короткий ручей (длина 14 метров) соединяет озеро с Никольским заливом. В глубине залива находится внутренняя гавань, которую иногда называют «старая гавань»: в прошлом здесь была стоянка русских судов. На берегу гавани расположено село Никольское, до образования Российско-Американской компании называвшееся Речешным. Компания размещала здесь свои склады, и русские суда довольно часто посещали этот район.

Сейчас по берегу бухты разбросано около 30 небольших деревянных стандартных домиков. Есть школа, магазин, русская церковь, построенная в 1826 году. В поселке проживает 69 человек. В летнее время большинство из них отправляются на заработки. Алеуты Никольского носят русские фамилии: Крюковы, Душкины, Ермиловы, Суворовы, Черкесины, Талановы.

Даниил Крюков — староста деревни, он же «приказка» — продавец магазина и староста местной церковной общины. Дед его — Креол Крюков — во времена И. Вениаминова был смотрителем церкви, которая строилась алеутами под его непосредственным наблюдением. Основные занятия жителей села — рыболовство, мелкое ремесло, изготовление сувениров (плетение корзинок, циновок, шитье, резьба по дереву), которые затем продаются приезжающим сюда туристам. В селе есть три невода, их владельцы Крюков, Ермилов, Данил. Каждый невод имеет своих размеров ячеи и предназначен для лова определенного вида рыбы. Мы были свидетелями лова сими (семейство лососевых). Использовался невод Данила. Завели невод с лодки. Выбирать его вышло все село. Пришел невод. Даниил Крюков начал делить улов, распределяя поровну рыбу между всеми участниками лова. Хозяин невода получил несколько больше. Так мы столкнулись с одним из старых пережитков экономических отношений, свойственных первобытнообщинному строю с его коллективным производством и потреблением.

Раньше, рассказывают нам, в ручей, соединяющий Никольскую бухту с озером Умиак, шло очень много красной рыбы. Для ее лова ставились специальные запруды (их фотографии есть в книге В. Йохельсона) и вылавливали до 2000 рыб. Сейчас рыбы становится все меньше и меньше.

Помимо лососевых ловят «халибота» — палтуса. Для этого ставят закидушки, выходя на лодках в море к рифам, расположенным при входе в бухту. Закидушки оснащены крупными (до 10 сантиметров) стальными крючками. Даниил Крюков на наших глазах поймал огромного палтуса (около двух метров длиной). Палтус был настолько сильным и буйным, что Крюкову, чтобы усюконтить рыбу, пришлось выстрелить в нее из пистолета.

К юго-западу от Никольского на небольшом холме находится овцеводческая ферма. Скотоводство на Алеутских островах — дело не новое. Крупный рогатый скот был завезен на острова еще русскими. Однако после продажи Аляски Соединенным Штатам скотоводство, как и огородничество, пришло в упадок. А вот овцеводство процветает.

В. Лафлин рассказал, что первые овцы были завезены на остров Умнак баском по имени Стэйли в 1923 году. Сейчас в южной части Умнака около четырех тысяч овец. Овечьи ранчо есть и на Уналайке. Владелец этих ранчо

живет где-то в центральных штатах и навещивает острова редко.

Управляющий овцеводческой фермы в Никольском — Джекоб Черкесин. Его усадьба стоит в стороне от села на берегу небольшого живописного ручья Ship Creek — Овчий ручей. Кстати, и название этого ручья, впадающего в северо-восточный угол бухты Никольской, говорит о том, что овцеводство здесь укоренилось давно. Д. Черкесин — владелец самого большого дома в Никольском и автомашины японского производства «Тойота» с кузовом «Универсаль». Ему 50 лет. Коренастый, широкоплечий, очень энергичный. Гово-

Схема расположения археологических памятников на острове Умнак.

рит, что его предки — выходцы с Кавказа, отсюда и фамилия Черкесин.

Мы познакомились с Д. Черкесиным, когда осматривали стоянку Шип Крик, расположенную рядом с его домом. Небольшие раскопки здесь в 1963 году проводили Д. Айгнер, М. Есидзак и Л. Линкольд. Возраст стоянки около 3000 лет. Это один из этапов развития древнеалеутской культуры. Вообще же остров Умнак — интереснейший в археологическом отношении район Тихоокеанского Севера. Древние стоянки Чалука, Санди Бич, Шип Крик в последние годы постоянно упоминаются в научных докладах и публикациях. Особенно широкую известность приобрела стоянка Чалука, наше знакомство с которой состоялось в первый же день приезда в Никольское.

ПО СЛЕДАМ ХРДЛИЧКИ

Сразу же у окраины села Никольское между озером Умнак и берегом Никольской бухты виднеется холм. Он длинный (более 200 метров), широкий (61 метр), но не высокий (7—8 метров над уровнем моря). Это и есть знаменитая Чалука.

Древнее поселение занимает всю площадь холма, причем наибольшее количество находок отмечено в его восточной части.

Чалука была открыта в 1936 году А. Хрдличкой. Уже тогда ученый обратил внимание на то, что в верхних почвенных слоях встречаются типично алеутские вещи, а в нижних — предметы совсем иной культуры. Он не дал ей определенного наименования и называл просто «доалеутской»³³.

Вторая мировая война прервала успешно начатое изучение древних поселений Алеутских островов. И только в 1948 году раскопки на Чалуке были возобновлены экспедицией Гарвардского университета, в состав которой входили антрополог Лафлиц, врач Александер, лингвист Марш, археолог Мей и другие специалисты. Археологическими раскопками непосредственно на Чалуке руководил А. Мей — ученик Алена Хрдлички и его постоянный

помощник в экспедициях 1936—1938 годов. Раскопки затем были продолжены и проводились под руководством В. Лафлина. Здесь же велись работы и в 1950 году³⁴.

С того времени исследование Чалуки фактически не прекращается. В процессе изучения культурных остатков и подстилающих их отложений на Чалуке было выделено семь слоев с культурными остатками, которые тянулись на глубину 5 метров.

Первые два горизонта, в которых обнаружили большое количество панцирей и игл морских ежей, раковин моллюсков, костей рыб и ластоногих, назвали Верхней Чалукой. Интересно то, что в основании второго горизонта встретилась стерильная (без культурных остатков) 7—10-сантиметровая прослойка очень уплотненной земли. Сверху ее перекрывал слой пепла. Эта «чистая» земля — свидетельство каких-то событий, разорвавших хронологическую последовательность заселения древними обитателями Чалуки.

В более низких третьем и четвертом горизонтах количество фаунистических остатков увеличивалось, особенно костей рыб, панцирей морских ежей и моллюсков. В основании четвертого горизонта к тому же прослеживалась 3-сантиметровая прослойка древесного угля. Она тянулась в западном направлении на 9 метров. Эти горизонты получили название Средней Чалуки.

И, наконец, в Нижнюю Чалуку вошли последние три горизонта. Их отличало небольшое количество фаунистических остатков и наличие в седьмом горизонте остатков каменных очагов, стен округлых жилищ и крупных китовых костей.

В результате раскопок Чалуки получено много абсолютных дат.

На основании этих дат установлено, что Нижняя и Средняя Чалука заселялись непрерывно на протяжении почти 1000 лет (с 1724 ± 55 по 716 ± 57 год до нашей эры). Переход от Нижней к Средней Чалуке относится примерно к 1000 году до нашей эры. Он характеризуется исчезновением жилищ с каменными стенами и изменениями в составе фаунистических остатков.

После комплекса Средней Чалуки в последовательности заселения стоянки наступает хронологический разрыв, который определяется примерно в 1200 лет (с 716 ± 57 год до нашей эры по 506 ± 47 год нашей эры). Этому соответ-

Стратиграфический разрез стоянки Чалука.

существует слой стерильной плотной земли и вулканического пепла между третьим и вторым горизонтами.

Вновь стоянка Чалука заселяется около 500 года нашей эры. В дальнейшем люди здесь жили непрерывно вплоть до прихода русских.

Такая культурная и хронологическая последовательность отложений, прослеженная в восточной части холма Чалуки, характерна, по-видимому, для всего поселения. Хотя некоторые изменения и отличия в стратиграфии все же имеются.

Лафлин и Марш во время раскопок в 1952 году западной части Чалуки в верхних почвенных слоях обнаружили большое количество орудий из сланца, обычных для протоисторических поселений алеутов. В восточной части таких орудий почти нет, да и отложения Верхней Чалуки здесь относительно небольшой мощности. В то же время стерильная прослойка, отмеченная между культурными комплексами Средней и Верхней Чалуки, а следовательно, и хронологический разрыв характерны в целом для всего поселения.

Довольно четкая стратиграфия, последовательность залегания культурных остатков различных исторических этапов, наконец, большая серия абсолютных дат делают Чалуку уникальным эталонным памятником для периодизации древней культуры Алеутских островов.

Наиболее ранний этап этой культуры на поселении Чалука представлен находками в седьмом горизонте. Радиоуглеродные даты 1724 ± 55 и 1510 ± 132 год до нашей эры, полученные при анализе образцов, взятых в самом основании слоя, позволяют довольно точно датировать этот этап. Древние зверобой, основавшие поселение Чалука около 4000 лет назад, оставили здесь следы своих жилищ. Остатки трех жилищ в виде каменных стен были обнаружены на глубине почти 5 метров от дневной поверхности.

Стены состояли из пяти ярусов горизонтально положенных друг на друга камней, которые удерживались с помощью костяных кольев, изготовленных из китовых ребер. Сохранившаяся высота стен 40, 50 и 70 сантиметров. Рядом со стенами были беспорядочно разбросаны китовые кости и челюсти, иногда они лежали на стенах и, всего вероятнее, относились к конструкции жилищ. Встречались также груды камней — остатки рухнувших стен. Полы двух жилищ были выложены плоскими плитками камня, а пол третьего представлял собой пятисантиметровый слой плотно спрессованной массы мелкого красноватого камня. Вместе с галечником в него были «зацементированы» отдельные отщепы и готовые изделия из камня.

Судя по конструкции стен, жилища эти были небольшими, по форме округлыми (диаметр 4—5 метров) и имели выход в виде коридора. Внутри них находились квадратные и прямоугольные очаги, сооруженные из вертикально поставленных каменных плит и имевшие очажную яму глубиной 15—20 сантиметров.

Жилища эти, по-видимому, не были типичными полуземлянками. Как отмечает Деннистон, занимавшаяся их изучением, основание таких жилищ углублялось в землю не более чем на 10—15 сантиметров. Отличались они и от тех больших прямоугольных алеутских жилищ, которые описаны русскими путешественниками в XVIII веке.

И. Вениаминов, например, сообщал, что прежде жилища алеутов были больших размеров и в каждом из них

помещалось от 10 до 40 семей. Строились они из главничкового леса. Он писал: «...в самой глубокой древности вместо всех столбов, перекладины и стропила употребляли одни ребра больших китов, которые одними концами становили подле стены, врывая несколько в землю, а между другими двумя, вверху, утверждали распорки или быки, связывая их ремнями, отчего из них образовалось полукружие: потом на них утверждали несколько бревен, положенных вдоль юрты и в соразмерном друг от друга расстоянии, на которые клали сплошь доски, или трещины. Вверху посредине строения между стропилами делалось несколько люков или отверстий, из коих одни служили для входа и выхода жильцов и вместе окнами и дымными трубами, а другие отверстия прямо для света и дыма. Первых было от 1 до 5, а последних сколько могло поместиться»³⁵.

На Чалуке во время предыдущих раскопок были обнаружены и такие жилища, которые можно отнести к полуподземным. В свое время их раскопал и описал А. Хрдличка. Когда произошел переход к этому типу жилищ — сказать трудно. Возможно, жилища с каменными стенами и полуподземные существовали параллельно. Дальнейшие систематические раскопки, очевидно, смогут дать ответ и на этот вопрос. Но уже сейчас нельзя согласиться с теми исследователями, которые считают наземные жилища с каменными стенами лишь летниками на сезонных стойбищах. Такому выводу противоречат находки очагов, мощных напластований кухонных отходов, большое количество разного рода орудий. Кроме того, небезынтересно вспомнить конструкцию жилища, раскопанного Гиддингсом на острове Святого Лаврентия. Хотя это жилище относится к более позднему времени (где-то 400 лет до нашей эры), но оно тоже имело круглую форму, каменные стены и плотно устланный камнями пол, лишь немного углубленный в землю. Основа крыши жилища сооружалась из костей и челюстей кита и перекрывалась шкурами.

Не исключено, что именно по такому типу строились жилища, обнаруженные в седьмом горизонте Чалуки.

Среди развалин, внутри и около жилищ при раскопках было собрано большое количество каменных и костяных орудий, наглядно иллюстрирующих развитие алеутской культуры на протяжении почти 4000 лет — от развитого

неолита (начало II тысячелетия до нашей эры) и до XVII века. За этот огромный промежуток времени в формах и наборе орудий охоты, труда, в разных предметах быта не наблюдается существенных изменений, таких, которые свидетельствовали бы о коренных переменах в хозяйстве, образе жизни и этническом составе населения Чалукки.

На этой территории люди, чтобы добыть себе средства к существованию, тысячелетиями пользовались костяными наконечниками гарпунов поворотного типа, острогами, метательными дротиками, оснащенными наконечниками с боковыми зубцами, рыболовными крючками, костяными лопатами и мотыгами, самыми разнообразными каменными ножами (типа улу, с удлинено-овальным и треугольным лезвием, ширококлиновыми, с выделенной рукояткой и рукояткой-пасадом, с перехватом у основания и другими) и скребками с рукояткой. Их жилища освещали небольшие каменные светильники. Широко употреблялась в быту красная охра, а вот керамика и глиняная посуда были им совсем неизвестны. Любопытно отметить, что в алеутском языке даже нет слова, обозначающего глиняную посуду.

Вместо глиняных сосудов в ранних отложениях Чалукки были найдены обломки больших каменных чаш с толстыми прямыми стенками и плоским закругленным дном, сделанных из грубого песчаника. В таких каменных сосудах древние жители Чалукки, по всей видимости, готовили себе пищу на огне, поскольку внешняя поверхность обнаруженных каменных чаш черная от копоти.

В сообщениях русских путешественников, посещавших Алеутские острова в XVIII—XIX веках, описания таких каменных сосудов нет. Но П. Веняминов, рассказывая о пище алеутов, замечает, что «мясо они варят или парят в камешках»³⁶.

Несколько подробнее хотелось бы остановиться на украшениях для лица — так называемых лабретках, очень примечательных для древней культуры алеутов и широко представленных в археологических материалах Алеутских островов.

На поселениях в Чалукке лабретки, сделанные из кости и камня, встречались во всех слоях. Две из девятнадцати обнаруженных отличались своей длиной (около 15 сантиметров). Они были найдены в почвенных слоях. Малые

Образцы древнего алеутского искусства
(из раскопок В. Похельсона).

лабретки служили вставкам для губ, поса, длинные — украшали ритуальные маски.

Лабретки различных форм и размеров были опубликованы В. Иохельсоном³⁷. В его коллекции, в частности, есть великолепные образцы каменных орнаментированных лабреток со стоянки Аглагах на Умнаке и из пещеры Аткалах на Атке.

Найдены также украшения и на соседних территориях, в эскимосских культурах Качемак I, Хорис (Чорис), Ипиутак, Нортон, Оквик, Бирнирк. Лабретки американских эскимосов с мыса Барроу довольно подробно описал американский этнограф Мердох в 1892 году³⁸, а залива Кука — де Лагуна в 1934 году³⁹. Но ни в одном из эскимосских памятников лабретки такими полными комплексами, как на Алеутских островах, не встречаются. К тому же

все они, за исключением качемакских, более поздние по сравнению с чалукскими.

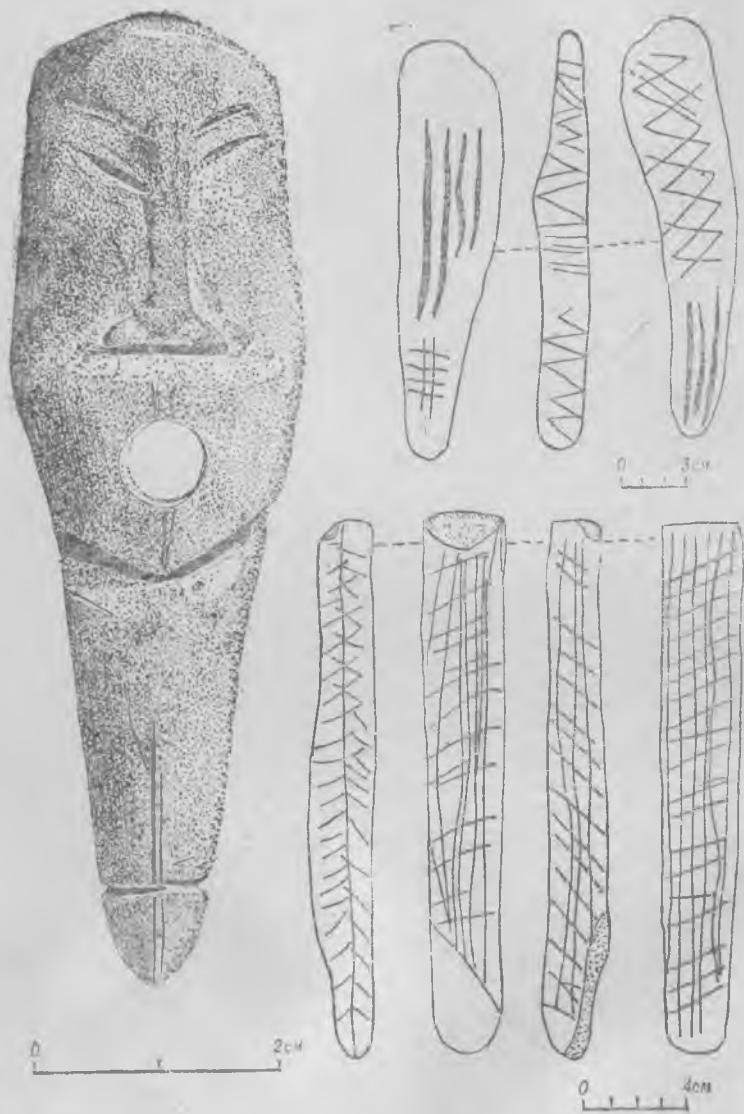
Откуда же возникла традиция лабреточных украшений? В суровых арктических условиях Северной Америки она не могла появиться, ибо таких украшений нет в эскимосских культурах Северной Аляски и Чукотки, а лабретки других районов Американской Арктики сравнительно позднего происхождения. Источник этих традиций скорее всего следует искать в более южных областях, если вспомнить, что именно племена южной части Тихоокеанского бассейна украшали свои лица различного вида вставками и проколами. Особенно интересны в связи с этим находки лабреточных украшений в ранних памятниках на Камчатке⁴⁰. Такие украшения найдены также на Курильских островах — на Шумшу, Урупе и Парамушире, на Северном Хоккайдо (стоянка Мойоро) и на других Японских островах в неолитических стоянках периода Средний Дзёмон.

Следовательно, можно предположить, что лабреточные украшения — это южный элемент в культуре алеутов, и что Курильские острова и Камчатка были той промежуточной областью, через которую шло их распространение на Север. С Камчатки обычай носить лабретки проник, по-видимому, сначала на Алеутские острова, а затем к эскимосам Аляски.

Среди других 25 украшений, обнаруженных на Чалуке, поражают изяществом отделки орнаментированные подвески, застёжки и пряжки, вырезанные из костей птиц и морских животных, графические и объёмные изображения человеческих лиц и целых фигур человека.

В. Лафлин показал нам изображение человеческой головы, которое удивляет своей художественной законченностью. Продолговатое лицо с широкими и выгнутыми скулами, узкие раскосые глаза, подчеркнута длинный нос, тщательность отделки мельчайших деталей — все говорит о мастерстве и искусности, о высокой духовной культуре людей, живших 3000 лет назад. Точное назначение таких предметов пока не известно. Скорее всего это культовые изображения защитника, охранителя. Мать Д. Черкесина, например, в 1890 году видела, как кормили алеуты в бухте Оки Вэй подобное «божество».

Интересно, что аналогичные объёмные изображения человеческих лиц, вырезанные из кости, на Алеутских

Костяные изделия, найденные на стоянке Чалука.

островах часто встречаются на наконечниках гарпунов, дротиков, рукоятках шил, лопатках и мотыжках для выкапывания кореньев и т. п. Может, и в этом случае они были не просто украшением?

Мы уже упоминали, что при раскопках в Чалуке особенно многочисленными были находки орудий охоты и лова на различных морских животных и рыб. Еще И. Велиашинов сообщал, что у алеутов специальные «стрелки» «бобровые», «китовые», «шерпичьи», «на сивучей», «птичьи». А различие их «состоит в величине их и вооружении ипурками, а более в посах», то есть в оснащении камешными лезвиями.

Что же касается изменений форм и типов наконечников гарпунов и копий, отмеченных в различных культурных слоях Чалукки, то они, по-видимому, тоже не только хронологического, но и функционального характера и связаны с уменьшением одних видов животных, рыб, птиц и увеличением или появлением других. Например, в отложениях третьего и четвертого горизонтов по сравнению с пятым и шестым заметно меньше становится костей морских животных (сивучей, выдр) и значительно больше костей рыб. В соответствии с этим в первых увеличивается количество рыболовных крючков, преобладают остроги с зубцами и совершенно исчезают крупные наконечники гарпунов.

Конечно, хронологическая последовательность находок в Чалуке наглядно показывает совершенствование отдельных форм и типов орудий, поиски их целесообразности. Однако совершенно очевидна также связь охотничьих и рыболовных орудий с экосистемой. Эта связь была взаимной. Богатая и разнообразная морская фауна эксплуатировалась древними людьми очень интенсивно. Кости морских животных, как и камень, служили основным материалом для изготовления наконечников гарпунов, копий, дротиков, рыболовных крючков, острог и других предметов охотничьего и рыболовного снаряжения. Особенно часто для этих целей использовались кости кита.

Кит вообще занимал особое место в жизни древних алеутов. По сообщению Лафлина, ребра и череп этого животного находили в погребениях человека. Причем иногда в могилах череп умершего зверобоя лежал между двумя китовыми ребрами. Эти находки в Чалуке приоткрывают дверь в тайники верований древних алеутов, их

представлений об окружающем мире. Здесь, как и в погребальном культе народов Сибири, человек уходит в страну мертвых вместе со зверем, чтобы, родившись заново, вернуться на землю. Кроме того, в описанном обряде захоронений отчетливо проявляется и другая черта мировоззрения древних зверобоев — культ зверя, кита.

Этническая принадлежность культурных отложений Чалуки ни у кого из исследователей, занимавшихся изучением Алеутских островов, не вызывает сомнений. Более ранние из них принадлежат палеоалеутам (по терминологии Лафлина) или преалеутам (по старой терминологии, предложенной Хрдличкой), поздние — алеутам (по Хрдличке) или неоалеутам (по Лафлину).

Принципиального различия между культурами палеоалеутов и неоалеутов нет, хотя, как показывают материалы Чалуки, в культуре неоалеутов появляются новые элементы, а также происходит изменение в антропологическом типе носителей культуры, что вызвано, по-видимому, эскимосским влиянием.

В целом же культура алеутов удивительно единообразна на протяжении тысячелетий. Сформировалась она на Алеутских островах и, как показали раскопки в Чалуке, уже около 4000 лет назад здесь была сравнительно высоко развитая культура со сложившимся приморским укладом хозяйства. В дальнейшем она, хотя и медленно, эволюционировала и шла вперед.

Сложившись в районе Умнака, эта культура начала распространяться по другим островам и еще на стадии палеоалеутов достигла одного из самых западных Алеутских островов — Агатту, где Сполдинг открыл и исследовал стоянку Круглый Мыс, возраст которой по радиоуглероду определен в 2630 ± 300 лет. Чтобы начать заселение островов, палеоалеуты должны были иметь большие лодки. И такие лодки типа умиака, а позже и каяка у них, безусловно, были. Иначе заселение островов было бы просто невозможно.

Нужно также отметить, что, судя по этнографическим данным, алеуты достигли очень высокого искусства в строительстве каяков. По свидетельству русских путешественников, алеуты, неуклюжие и мало подвижные на земле, совершенно преображались, садясь в свои байдарки.

«Алеут, — писал П. Вениаминов, — когда сидит в своей однолучной байдарке и, разумеется, в своем национальном

костюме, совсем другой человек, чем на земле; в то время кажется, что он создан для байдарки, или байдарка изобретена для того, чтобы показать его с самой лучшей стороны»⁴¹. Следует сказать, что палеоалеуты были достаточно хорошо «экспированы» для жизни на островах. Как отмечает В. Лафлин, целый ряд животных, птиц и рыб — «от китов до морских выдр, от альбатросов до топорков, от палтуса до форели и от осьминога до моллюсков» — использовался алеутами с помощью всевозможных приспособлений.

Культура алеутов была приморской, а экономика ее ориентировалась главным образом на морской промысел и рыболовство.

ПО МАРШРУТУ НЕОЖИДАННОСТЕЙ

Предполагалось, что на следующий день после приезда в Никольское мы перебазировемся на Анангулу. Там уже был разбит лагерь и велись раскопки сотрудниками Коннектикутского университета. Однако сильный северо-восточный ветер, поднявший большую волну, и начавшийся дождь сгубили наши планы. В. Лафлин рисковать не хотел. И нам пришлось задержаться в Никольском. Чтобы не терять времени, отправились в разведывательные маршруты по юго-западному краю острова Умнак. И сразу же начались неожиданности.

На оконечности мыса Иканудах, возвышающегося над западным побережьем Никольской бухты, обнаружили остатки своеобразного древнего жертвенника, сооруженного из вертикально поставленных каменных плит. Заглянув его расчисткой, и оказалось, что внутри находились еще мелкие плитки, ниже которых помещались две крупные горизонтально положенные плиты. Между плитами сохранились какие-то органические остатки, возможно, китового мяса. Сверху жертвенник был перекрыт большим, тщательно обработанным куском китовой кости.

Галечные орудия (остров Умпак).

В 200 метрах юго-восточнее от жертвенника зафиксировали несколько погребений, обозначенных на поверхности каменными кладками.

Маршрут по западному побережью озера Умнак позволил собрать интересную коллекцию каменных орудий, по характеру обработки близких изделиям верхних слоев Чалуки.

Когда поднимались на холм после осмотра небольшой бухточки, закрытой с северо-северо-востока утесами мыса Сморг, неожиданно наткнулись на характерные округлые углубления. Котлованы древних жилищ! Они поросли травой, но виднелись концы китовых ребер, вертикально вкопанных в землю. Ребра когда-то служили опорами полуподземных жилищ. Рядом с жилищами обнаружили несколько костей кита, явно обработанных рукой человека, кости сивуча и тюленей. Перед нами предстало поселение древних китобоев, названное еще В. Похельсоном Углудах...⁴²

Собранные здесь каменные и костяные орудия и сравнение их с точно датированными находками из Чалуки позволяют высказать мысль, что стоянку Углудах правильнее отнести к концу I тысячелетия до нашей эры — началу I тысячелетия нашей эры.

И совсем неожиданным было открытие в неглубокой седловине к юго-западу от мыса Рифов местонахождения галечных орудий (обнаружены А. П. Окладниковым. — *Ред.*). Они были рассеяны на небольшой, размывтой дождями площадке на склоне холма. Из общей массы выделялись массивные, несколько уплощенные с боков гальки, расщепленные характерным приемом. Один конец у них был затесан и заострен. У некоторых было слегка скопленное лезвие, у других оно располагалось почти перпендикулярно длинной оси, а у одного орудия лезвие было желобчатым, оббитым с обеих сторон. Гальки эти могли использоваться как рубящие орудия.

Многочисленность образцов и повторяемость форм — критерий их подлинности. Кроме того, типологически близкие им изделия можно встретить в Монголии, Сибири, на Амуре и в Приморье. На Алеутских островах подобные изделия до сих пор не встречались. О возрасте их говорить пока трудно. И все же следует вспомнить, что галечная техника и галечные орудия довольно устойчиво держатся в поздних донеолитических памятниках Азии,

«КИТ, ПЛЫВУЩИЙ НА СЕВЕР»

Наконец востер несколько стих. Немного прояснилось, и на северо-северо-востоке стала различима полоска острова Анангула, по своим очертаниям напоминающего кита. Не случайно на алеутском языке Анангула обозначает «кит, плывущий на север».

— После ленча идем на Анангулу, — улыбаясь, говорит В. Лафлин, посасывая короткую прямую трубку, которая размещается у него во рту как-то по-особенному уверенно и естественно.

Началась обычная в таких случаях суматоха. Собираем и осматриваем снаряжение. Все унаковываем в большие пластиковые мешки. Море есть море, и оно еще волнуется, да и дождь, хотя и мелкий, все же продолжает сеять. Грузимся в резиновые лодки с подвесными моторами в 32 лошадиные силы, типа нашего «Вихря».

Кроме нашей группы и В. Лафлина на Анангулу едут еще четверо. Рут Лафлин — супруга Вильяма и его помощница. Она искусствовед, художник, а в экспедиции на нее еще ложатся заботы о полевой документации, обработке, индексировке и упаковке материалов.

Грег Фречетте и Бруно Фронлич — аспиранты В. Лафлина. Голубые глаза, светлая пышная шевелюра выдают скандинавское происхождение Грега. Он очень исполнительный и в экспедиции делает абсолютно все — от сборки стандартного здания экспедиционной базы до подводных съемок и анализа образцов морской фауны.

Бруно — датчанин, в Коннектикуте он изучает антропологию. Небольшого роста, очень подвижный, любит шутку. Жизнь познал не по книгам. Семнадцати лет ушел из дому. Плавал на коммерческих судах: мыл посуду. Потом армия, школа и снова год на судне стюардом. Поступив в Копенгагенский университет, увлекся антропологией и по рекомендации известного специалиста северных культур Х. Ларсена приехал в Коннектикут совершенствовать свои знания. Второй сезон работает с В. Лафлиным.

Аксинья Крюкова — алеутка, добрая хозяйка дома, в котором мы жили в Никольском. До войны она жила на острове Атту, а ее бабушка с острова Беринга. Аксинья окончила высшую школу в Анкоридже. Интересуется историей, культурой своего народа, выписывает и регулярно читает журнал «Нэшнл джиографик»⁴³, знает немало преданий и легенд из жизни алеутов, деталей алеутской этнографии. Во время экспедиции она была нашим поваром. Выпеченные ею сдобные булочки — «чакуды» — мы потом часто вспоминали.

Совершаем на лодках круг по бухте, пробуя загрузку, и через узкий проход среди рифов выходим в море. Крутые волны подбрасывают и качают лодки, как бы проверяя их, а заодно и нас, на прочность. Дождь усиливается, и скоро все вокруг становится серым. Очертания берегов растворяются, и остается только море. Связь между лодками и берегом поддерживается с помощью небольших раций — передатчиков «voci — toci» («иду — говорю»). Это помогает верно держать курс и подстраховывает на случай неожиданностей. А они могут быть. С Беринговым морем шутить не приходится.

Налетевшей волной срывает весло. Грег выключает мотор, сообщая по рации о случившемся. Наша лодка пляшет на волнах. Подходит вторая лодка. В ней Лафлич, Окладников, Конопадский, за рулем Рут. Ее ярко-оранжевый водонепроницаемый костюм хорошо выделяется на сером фоне моря. Отличная вещь для техники безопасности на воде. Весло найдено, и мы продолжаем путь.

Впереди показался берег. Анангула! Огибаем юго-западный конец острова, чтобы подойти к бухте, где размещен лагерь экспедиции. Шум моторов вснугивает сотни птиц, некоторые из них не могут сразу подняться и бегут по воде, энергично размахивая крыльями.

Последние несколько метров, и наши лодки вместе с приливной волной выскакивают на берег. Случилось это 13 июля 1974 года.

К нам присоединяются последние члены экспедиции — студент-старшекурсники университетов США Мэри Мак Довелл, Лесли Лафлин, Дэвид Рорбай. В течение пяти недель нам придется жить и работать бок о бок на этом необитаемом, затерянном в морском просторе островке.

Анангула — небольшой холмистый островок в цепи Алеутского архипелага. Расположен он в Беринговом море примерно в 7 километрах к северо-северо-востоку от острова Умнак и отделен от него узким Сивидским проливом. Его длина всего около 2,5 километра, а ширина 180—650 метров. Но и на этой каменистой глыбе в прошлом жили люди.

Анангулу иногда называют Кроличьим островом. И не случайно. В 1926 году учитель школы села Никольское завез на остров только двух кроликов. Сегодня на Анангуле их сотни. Единственные враги кроликов — крупные чайки, которые нападают и заглатывают крольчат.

Геологическое строение острова и его ландшафт почти такие же, как и острова Умнак. По мнению большинства американских исследователей, остров Анангула в ранний период заселения человеком Алеутских островов был продолжением Умнака, а вместе с ним и полуостровом Аляска составлял Умнакско-Анангульский выступ древней Берингии. Мощный ледник покрывал в то время тихоокеанскую сторону этого выступа, а также почти всю центральную часть полуострова Аляска и возвышенностей Умнак и Уналанка. Ледники спускались с восточных склонов вулкана Всевидова, перекрывая доступ к островам с востока. Оставался свободным лишь узкий проход с запада вдоль прибрежной полосы Берингии. По этому проходу, по-видимому, и проникли на Алеутские острова первые переселенцы из Азии.

Древняя стоянка, известная в литературе как «Blade Site» — «стоянка с лезвиями», находится в центральной, наиболее возвышенной части узкой юго-западной оконеч-

Схематическая карта острова Анаnguла.

ности острова, берега которого покрыты множеством валунов и скалистыми уступами. Стоянка возвышается над современным уровнем моря на 17 метров. По-алеутски это место называется Игахсилух, что значит «место пожей».

Центральная часть площадки, занятой стоянкой, слегка понижается в направлении с северо-запада на юго-восток и в крайней, юго-восточной, точке понижение достигает 12—13 метров. В верхней части этого склона в результате эрозии почвы образовались два больших и несколько малых углублений — выдувов. Этими

выдувами и были обнажены культурные остатки (нуклеусы, пластины, отщепы), которые привели к открытию древнейшей стоянки на Алеутских островах.

Стоянка Анаnguла была открыта в полевом сезоне 1938 года. Честь ее отыскания принадлежит В. С. Лафлину и А. Г. Мэю — молодым тогда сотрудникам Смитсоновской экспедиции, проводившей в 1936—1938 годах под руководством А. Хрдлички обследование Алеутских и Командорских островов. При осмотре обнажений выдувов В. С. Лафлин и А. Г. Мэй собрали небольшую коллекцию каменных орудий, среди которых выделялись призматические пластины, полиэдрические нуклеусы, скребки и ножи с односторонней обработкой.

Пожалуй, это было самое важное открытие 30-х годов в археологии Тихоокеанского Севера. Его назовут сенсационным. Но это будет позже, а в то время находки В. С. Лафлина и А. Г. Мэя не привлекли особого внимания исследователей. Более того, нашлись скептики, которые считали эти каменные орудия обычными отходами производства обработки камня поздних алеутов.

В. Лафлин и А. Мэй обращались за советом к известным специалистам по древним культурам Севера Дж. Гиддингсу, Р. Солецкому, Ч. Бордену, Г. Нельсону. Им сочувственно улыбались, дружески похлопывали по плечу, однако объяснить смысл и значение находок не могли.

Только в 1951 году В. С. Лафлин вернулся к своим прежним сборам и, тщательнейшим образом проанализировав их, опубликовал первую статью о каменной индустрии платины Анапгулы⁴⁴.

Характеризуя коллекцию находок из Анапгулы, Лафлин отметил их специфические черты: 1) наличие призматических пластин и пластинчатых отщепов, снятых с больших, специально изготовленных нуклеусов мезолитического типа; 2) отличие большинства пластин и нуклеусов от известных орудий палеоалеутской культуры; 3) особенность материала, из которого были изготовлены анапгульские пластины.

Тогда же В. Лафлин высказал предположение, что возраст анапгульских находок должен быть определен «как более ранний, чем 5000 лет».

Публикация Лафлина вызвала большой интерес специалистов и послужила стимулом для продолжения исследований Анапгулы. Уже в 1952 году на Анапгулу отправляется специальная группа археологов в составе Лафлина, Марша, Сполдинга, Ермелова. Они детально обследовали древнюю стоянку и собрали большую коллекцию каменных орудий. Для выяснения стратиграфического положения культурного слоя была заложена траншея размером 1×10 метров и сделано несколько контрольных шурфов в местах выдувов и вокруг них.

Результаты этих исследований были опубликованы⁴⁵. Появилось описание 1650 различных каменных изделий, собранных на стоянке. Было проведено типологическое сопоставление полученного материала и выявлены параллели с орудиями, ранее найденными на Алеутских островах.

Первоначально Лафлин и Марш считали, что на Анапгуле они нашли не стоянку древнего человека, а мастерскую, где изготавливались пластинчатые орудия. Позже они отказались от этой точки зрения. Однако она господствовала до начала 60-х годов.

В 1962 году Тернер, Блэк, Мак Картип, Бойд, Девинстон, Айгнер и Лафлин, проводившие раскопки на острове

Умнак, вновь посетили Анангулу. Пользуясь присутствием геолога Блэка, исследователи главное внимание уделили стратиграфическому положению стоянки и определению ее возраста.

Радиоуглеродный анализ образцов угля из заложеного на глубину 2 метра 15 сантиметров контрольного шурфа позволил получить две даты: 7660 ± 300 и 8425 ± 275 лет назад. Оказалось, что это самая древняя стоянка из всех известных датированных памятников в арктических и субарктических районах Северной Америки.

Неблагоприятные погодные условия заставили свернуть работы по раскопкам. Некоторые сомнения относительно точности полученных данных о возрасте стоянки так и остались нерешенными. Дальнейшего уточнения требовала и ее стратиграфия. Поэтому в 1963 году археологический отряд Арктического института в составе Мак Картни, М. Эсдзаки и Р. Нельсона под руководством В. Лафлина продолжил исследования Анангулы.

Раскопки этого года оказались самыми результативными. Было собрано несколько тысяч каменных орудий и отщепов, определены границы стоянки, уточнено положение культурного слоя, установлен возраст стоянки.

Но, пожалуй, самым интересным и важным результатом раскопок 1963 года было открытие на стоянке жилого комплекса. При расчистке культурного слоя, перекрытого сверху ненарушенным слоем пепла, обнаружили углубление, которое прорезало нижние слои на глубину 50—75 сантиметров. Как потом выяснилось, это была полужемлянка, в центре которой находился очаг, сооруженный из камней. Вход в нее, очевидно, в виде коридора, располагался сбоку, как и у палеолитических жилищ, исследованных Н. Н. Диковым на камчатской стоянке Ушки. Такой тип жилищ считался наиболее древним для районов Северной Азии и Северной Америки. Находка жилища-полужемлянки на Анангуле, возраст которой определялся в 8000 лет, служила еще одним подтверждением этого положения.

Открытие Анангульского жилища окончательно рассеяло сомнения относительно вида этого памятника. Да, здесь люди жили, а не только изготавливали орудия.

После публикации новых материалов⁴⁶ Анангула прочно вошла в научную археологическую литературу. И хотя о ее месте и роли среди других памятников Тихоокеанского Севера еще идут споры, несомненно одно — это уни-

кальная и наиболее древняя стоянка алеутской культуры. Она свидетельствует о довольно ранней адаптации населения к приморскому образу жизни.

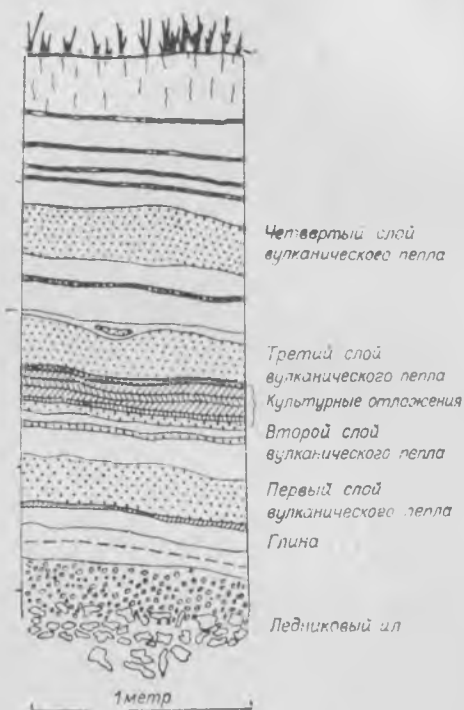
Раскоп площадью 10×6 метров, где нам предстояло работать, был разбит почти в центре стоянки на длинном южном конце острова, ближе к его берингоморской стороне. Он продолжал раскопки 1972 года. Весь раскоп делился на метровые квадраты и так же, как принято у нас, по одной из его сторон шли буквенные обозначения, по другой — цифровые. В процессе раскопок каждый из квадратов дополнительно разбивался на четыре сектора по сторонам света. Фиксация материала велась по секторам. На пластиковых пакетах с находками наносились условные обозначения.

К нашему приезду половина раскопа уже была вскрыта, и на защищенной стенке хорошо просматривалась стратиграфия стоянки. Прежде всего бросались в глаза четыре слоя коричневого вулканического пепла.

Нижний слой (I) пепла покрывал ледниковые отложения валунной глины, лежавшей на коренных скальных породах. По мнению американских геологов, этот пепел выпал сразу же за таянием ледника и датируется временем 9500—10 000 лет назад. Через некоторое время произошла новая серия извержений вулканов, местных и более отдаленных, и снова последовало отложение большого количества вулканического пепла (слой II). Его радиоуглеродная дата — 8900—9000 лет назад. Вскоре после отложения этого второго слоя пепла на Анаnguлу пришли люди и основали здесь свое поселение.

Судя по мощности культурных отложений, анаnguльцы жили на этом месте несколько столетий.

В культурном слое различалось пять прослоек или уровней, по американской терминологии. Снизу вверх они располагались в следующей последовательности. Тонкая (1—4 сантиметра) прослойка красновато-бурой глины с каменными орудиями и отщепами. Это, по-видимому, была почвенная поверхность в период первоначального заселения стоянки человеком. Прослойка светло-оранжевого пепла глинистого строения тоже с сохранившимися орудиями и отщепами. Глиноземная прослойка с большим количеством остатков древесного угля и разрушенным растительным материалом. Затем темная прослойка и, наконец, глинистая коричнево-серая прослойка. Во всех про-

Стратиграфический разрез стоянки Анангула.

слояках найдены почти одинаковые каменные орудия и отходы их производства. Более того, во время предыдущих раскопок американским археологам посчастливилось обнаружить во всех прослойках призматические пластины и отщепы, снятые с одного и того же нуклеуса. Был найден и сам нуклеус. Все это позволяет считать, что нам встретился единый культурный комплекс.

Непосредственно над культурным слоем залегал мощный (15—20 сантиметров) вулканический слой (III) пепла густого кофейного цвета. Выпал он 7500—7000 лет назад. Поскольку пепел лежал прямо на культурном слое, это позволило американским археологам Мак Картни и Тернеру высказать мысль, что разрушительное действие пеплопада, а также его чисто психологическое воздействие заставили обитателей авангульской стоянки поспешно ос-

тавить обжитые места. После этого жизнь на стоянке не возобновлялась.

У других американских исследователей иное мнение. Например, В. Лафлин и А. Харпер полагают, что анагульцы вынуждены были покинуть это место в результате разрушения террасы, когда высота ее выступа над уровнем моря стала меньше 22 метров. Такая высота уже не могла защитить стоянку от морских волн, штормов и угрозы цунами. К этой мысли склоняется и Д. Хопкинс.

После третьего отложения пепла в существующих прослойках никаких различимых признаков деятельности человека на Анагуле не видно. В этом отношении все вышележащие слои являются стерильными. Таким образом, культурный комплекс четко локализуется между третьим и вторым ненарушенными слоями пепла.

Ненарушенные, отчетливо обозначенные и точно датированные слои пепла Анагулы имеют важное значение для сравнения и определения возраста других археологических памятников. Дело в том, что такие же по характеру отложения пеплов прослеживаются на Чалуке, у села Никольского в районе аэропорта и на стоянке Шии Крик. Сравнивая пепловые прослойки этих стоянок с уже датированными пеплами Анагулы, можно определить и их возраст. Анагульский разрез в этом плане можно считать эталонным.

Когда мы подошли к раскопу стоянки, В. Лафлин сказал: «Здесь вы найдете десять тысяч каменных орудий». Десять не десять, но вскоре действительно пришлось убедиться, что культурный слой Анагулы буквально «пашшигован» каменными орудиями. На один квадратный метр в среднем приходилось около 200 различных изделий.

Только начали работу, как со всех сторон раскопа слышались возгласы на русском и английском языках: скребок, пластина, нуклеус... Языковое различие не мешало обмениваться простейшими специальными терминами. Но когда они усложнились, мы поняли, что нам, как и космонавтам, готовящимся к совместному полету «Союз» — «Аполлон», необходимо составить общий терминологический словарь. И уже вечером вместе с американцами мы принялись за составление словаря археологических названий и понятий. В дальнейшем это значительно облегчило нашу работу и избавило от казуальных слу-

чаев, которые еще нередки в науке при контактах ученых разных стран. Можно вспомнить случай, произошедший в США с японским археологом Судзуки. Он не мог уловить различия между «глотохронологией», которой занимаются лингвисты, и «гротохронологией» — термине, используемом археологами, из-за схожести в произношении английских звуков «л» и «р». Во время дискуссии он путал эти понятия, что вызывало недоумение слушателей. Составленный нами словарь, хотя и был небольшим, позволял успешно избегать таких недоразумений.

Раскопки между тем продолжались. Американцы с неподдельным интересом наблюдали за нашей работой. Их заинтересовало, почему часть орудий мы оставляем на своих квадратах, а не извлекаем из земли сразу, как это делают они. Объясняем, что эти группы изделий не случайные скопления, а своеобразные комплексы. Они представляют собой интересные детали повседневной жизни анангульцев и могут открыть новые страницы их истории. Например, на границе квадратов G-10 и G-11 у большого камня защищен настоящий клад: два пожа, скребок, узкий и длинный острокопечник, еще один, но более крупный, двухконечный скребок. Все эти орудия изготовлены техникой односторонней оббивки из блестящего черного обсидиана. Бесспорно, положили их сюда не случайно. Возможно, древний охотник приготовил эти орудия, отправляясь на промысел, или же наоборот, оставил их здесь, вернувшись с промысла.

Еще более интересные находки в квадрате, где работает А. П. Деревянко. Им расчищено крупное скопление пластин, лежащих друг на друге. Они различных размеров — от 2,5 до 7 сантиметров. У многих пластины ударный бугорок преднамеренно сколот, по краям других сделаны небольшие выемки. Среди этого скопления встречаются и пуклеусы, сработанные до предела. Ясно, что на этом месте работал древний мастер.

В словаре появляется новое слово «комплекс», а в полевой документации новые обозначения — комплекс 1, комплекс-2 и т. д. Американцы тоже начинают выделять скопления орудий и наносить их на план. Так приемы нашей методики раскопок вошли в археологию Алеутских островов.

А орудий на «стоянке лезвий» Анангулы удивительно много. Каждый раз, возвращаясь вечером с раскопа в ла-

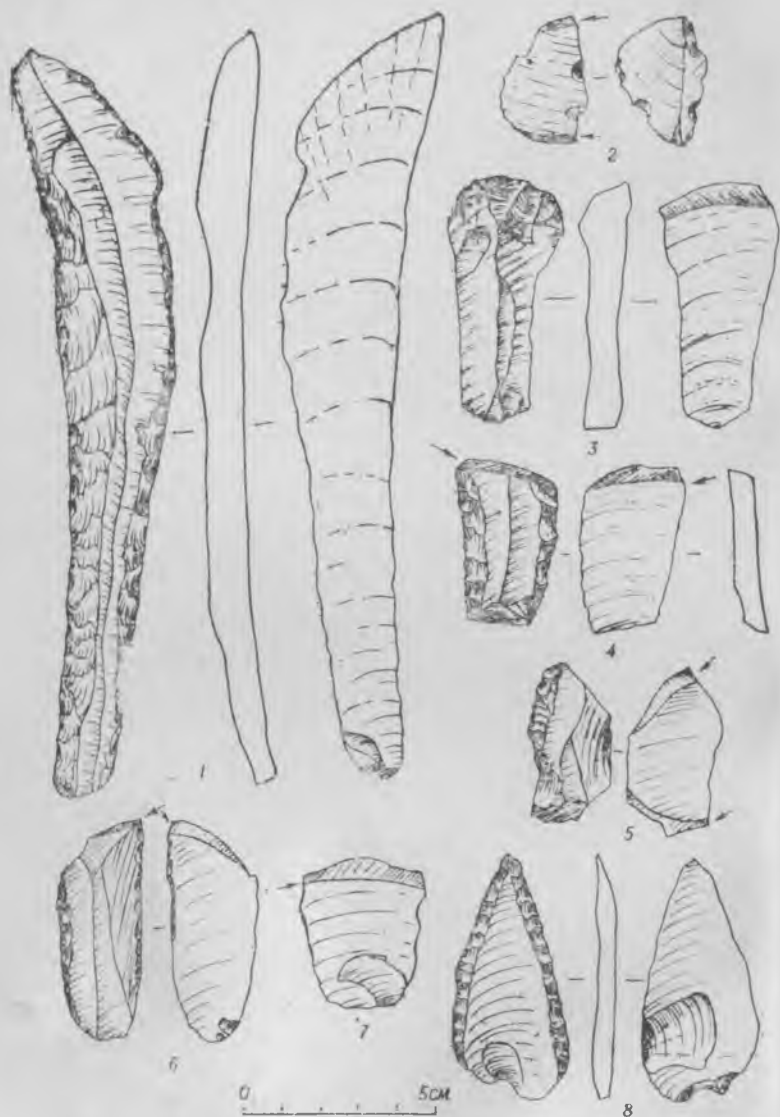
герь, мы несем с собой спортивные сумки, до отказа наполненные пластиковыми пакетами с находками.

Собранные здесь каменные изделия составляют единый своеобразный культурный комплекс, резко отличный от всего, что раньше было известно в арктических и субарктических районах Северной Америки и Канады. Отличаются они техникой обработки пластин, такими характерными инструментами, как скобели-рубачки, сечением пластин.

Пластины Анапгулы уже на первых этапах их изучения поставили втупик американских исследователей и стали археологической загадкой. Они имеют совершенно иной облик, чем кремневые орудия микролитического комплекса Дэбби, представляющего древнейшую из культур, носители которой, как считается, были непосредственными предками эскимосов. Отличаются они и от изделий так называемой арктической традиции малых орудий и от микропластинок северо-западной традиции, существовавшей в арктических районах около 7000 лет назад, от которой ведут начало многие древние культуры Северной Америки.

Это отличие отмечали американские, канадские, японские исследователи. Известный канадский археолог В. Ирвинг, например, выделил микропластины Анапгулы в особую группу, подчеркивая тем самым их отличие от всех известных микроиндустрий Аляски. Другой археолог — М. Ёсидзакэ — знаток докерамических культур Японии, побывав на раскопках Анапгулы, отмечал, что, хотя и наблюдается некоторое внешнее сходство апангульских микропластин с отдельными орудиями стоянки Кампус около Фербенкса, изготовлены они совершенно другими техническими способами.

Не находят аналогий ни в одной из американских более ранних или синхронных по времени культур и другие изделия Анапгулы. Некоторые советские археологи пытались сопоставить каменную индустрию Анапгулы с близким по времени комплексом Акмак (возраст по радиоуглероду 7907 ± 155 лет до нашей эры), который непосредственно связывается с группой стоянок Северо-Западной Аляски (Трейл Крик, Кобук, Кукунаурук) и с комплексом Денали в Центральной Аляске. Но и в этом случае ученых постигла неудача. Инвентарь Анапгулы сильно отличается от акмакских изделий. Конические и полуконические пуклеусы Анапгулы не имеют ничего общего с уплощенными

Самая большая пластина (1), инструменты с диагональным сколом (2—7) и остроконечник (8), обнаруженные на стоянке Анангула.

пуклеусами Акмака. Встречающиеся на Анаугуле клипо-видные пуклеусы по форме и размеру ударной площадки (овальной и более широкой) отличаются от акмакских. Наконец, на Анаугуле нет ни ножей-бифасов, ни каких-либо других бифасных орудий, столь характерных для Акмака.

В один из вечеров мы, как обычно, собрались в нашей «кают-кампании» — большой брезентовый палатке, натянутой на деревянный остов. Здесь мы завтракали, ужинали (ленч проходил на раскопе), дискутировали, обсуждая находки, слушали разные истории из жизни и быта алеутов, эскимосов, рассказывали сами. Едва слышно шумели газалиновые лампы, освещая широкий деревянный стол, на котором были разложены вымытые и зашифрованные пластины, отщепы, пуклеусы и другие орудия, недавно извлеченные из земли Анаугулы. Мы смотрели на них, и нам казалось, будто смотрят на нас знакомые вещи. Некоторые находки напоминали орудия стоянки Устиновка в Приморье. В технике других прослеживались традиции докерамических культур Японии. Третьи орудия по своим формам до удивления были близки изделиям стоянки Хере-Уул в Монголии. Вдобавок еще имелось обилие пластин со специально снятым ударным бугорком. И тут один из нас вспоминает, что такой технический прием характерен для культуры пластин Японских островов, существовавшей 12 000—15 000 лет назад.

Может быть, прав М. Ёсидзакэ, который как-то заметил, что анаугульские материалы похожи на микролезвия каменной индустрии Саккоцу на острове Хоккайдо и стоянки Арая на острове Хонсю?

В. Лафлин молчит, тщательно выбивая трубку:

— На эту мысль Ёсидзакэ я ссылался в одной из своих работ, — наконец произносит он.

Так может, все-таки Япония?

Остальные молчат. Значит, не совсем с этим согласны. Значит, еще будем искать, смотреть, сравнивать и думать, думать...

Привлекает внимание серия своеобразных инструментов. Рабочий край у них оформлен поперечным или диагональным резцовым сколом. Некоторые археологи у нас называют эти инструменты «трансверсальными резцами Анаугулы». Но это не резцы. Рабочим лезвием у них служит не угол, образованный сколом, а все острое ребро. Ис-

пользовались такие орудия как скобелы, точнее, как рубанки для тщательной окончательной отделки изделий из кости и дерева. Резцовые сколы у этих инструментов могли сниматься как справа (то есть ударом, нанесенным правой рукой), так и слева. Есть образцы со следами нескольких сколов — так восстанавливалось рабочее лезвие инструмента. Для этой серии находок среди известных нам материалов нет аналогий. Это беспокоит неведомостью первоисточника, удивляет новизной. Где истоки этой своеобразной техники? Монголия? Сибирь? Дальний Восток?

Утро серое, туманное. Идет мелкий дождь. Он шел всю ночь, и раскоп залит водой. Дэвид и Грег откачивают воду. Натягиваем над раскопом парашют. Теперь над нами малиново-белый капроновый купол.

— Как в цирке, — говорит кто-то.

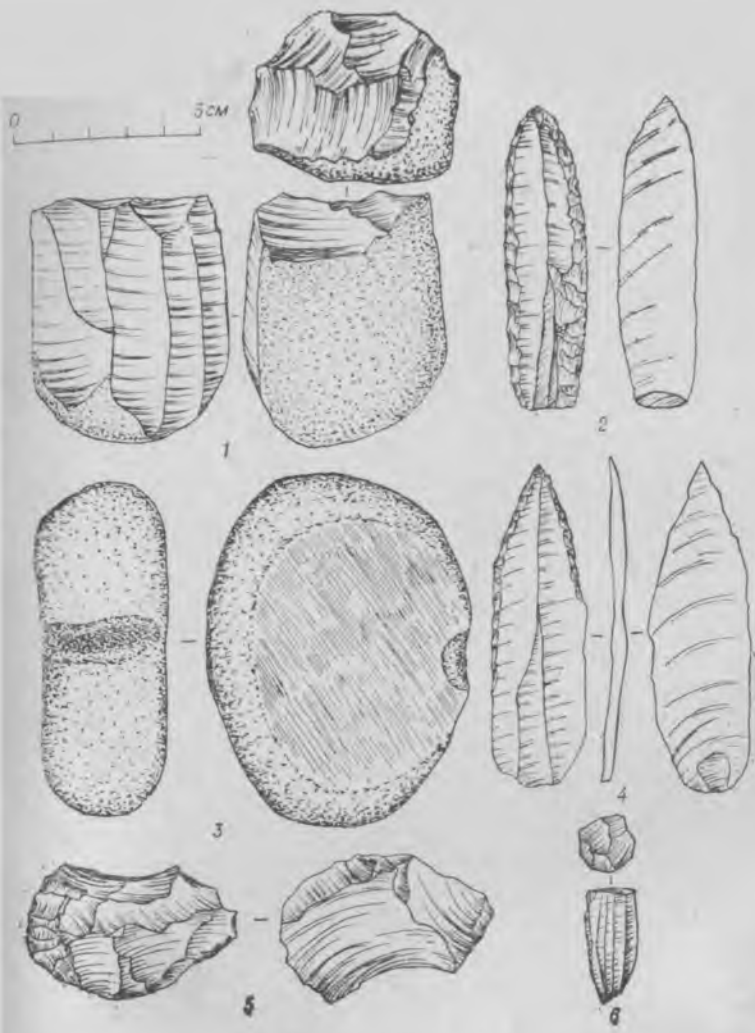
Но шутку никто не поддерживает. Работать тяжело: грунт мокрый, вязкий. Медленно, тщательно разбирая, снимаем слой. Среди уже знакомых хорошо выдержанных серий орудий выделяется несколько интересных изделий. Таков великолепный остроконечник, изготовленный на удлиненно-треугольной пластине. Его края обработаны односторонней ретушью. По своим очертаниям он напоминает палеолитические наконечники стоянки Кокорево на Енисее и пещеры Страшиль на Алтае. Найдено также скребло полудуновой формы — явно сибирского типа. Возможно, это традиции Верхолесенской горы?

Обнаружили несколько типов нуклеусов: галечные, со скошенной ударной площадкой, двухплощадочные и близкие по форме к коническим и клиновидным («тобийским»).

В. Лафлин вспоминает, что Мак Карти и М. Есидзакки во время раскопок 1963 года выделили три типа нуклеусов, но не могли их точно определить и назвали «нерегулярными».

На наш взгляд, нуклеусы Анагулы классифицируются довольно-таки четко. Высказывается даже мысль, что по анагульским материалам можно проследить эволюцию нуклеусов: от нуклеусов леваллуазского типа или даже галечных к торцовым (клиновидным), затем к коническим и призматическим.

Вечером снова зашел разговор о первых алеутах. Откуда они пришли на Алеутские острова? Вспомнили старинное алеутское предание, записанное П. Веннаминовым.

Для Анангулы характерно сочетание старых архаических традиций с новыми принципами в отработке камня.
 1, 6 — нуклеусы; 2, 4 — остроконечники; 3 — плитка для растирания охры; 5 — скребок.

Предки алеутов, говорится в нем, первоначально жили на западной стороне, на какой-то большой земле, называемой материком. Там не было ни бурь, ни зимы. И жили люди там мирно и спокойно. Но потом начались вражда и междуусобия. И двинулись алеуты все далее и далее на восток, пока не дошли до моря. Здесь их начали теснить другие народы. Вот и должны были алеуты искать убежище на островах. Перебираясь с острова на остров, они заселили и здешние острова.

Легенда эта как будто подтверждает взгляды исследователей (начиная с Г. Шамиссо и П. Вениаминова), которые писали об азиатском происхождении алеутов.

Но если действительно это было так, то установление аналогий между каменной индустрией Анагулы и материковыми культурами Азии значительно приблизило бы решение спорного вопроса.

Поиски таких совпадений в типах и характере орудий дело, конечно, сложное, но увлекательное. Итак, попробуем.

Начнем с глубинных районов Сибири, тем более, что именно к материалам палеолитических и мезолитических культур Прибайкалья и Приангарья в последние годы все чаще обращаются американские и японские археологи, пытаясь найти здесь объяснение сходству каменных изделий Аляски, Японии и материковой Азии.

Прежде всего вызывают интерес мезолитические комплексы, сопоставимые с Анагулой.

В свое время В. Лафлин ссылался на материал стоянки Будун, считая, что найденные там микропластинки похожи на анагульские. Стоянка Будун находится на острове Ольхон в центре Байкала. Она была открыта П. П. Хоронших во время разведок 1927—1928 годов. Позже в разное время на месте стоянки подъемные сборы проводили Г. Ф. Дебец и В. В. Свишин. Частично эти материалы были опубликованы одним из авторов этой книги⁴⁷.

Коллекция стоянки Будун представлена в основном находками, собранными на поверхности русловых наносов, в местах, где пойменный аллювий был разрушен выдувами. Обнаруженные изделия имеют мезолитический облик. Среди них есть различные варианты ножевидных пластин, сравнительно узких и тонких. Большинство из них на верхнем конце заострено и ретушировано. У некоторых пластин острие оформлено косым сколом. Найдены

микропластинки с ретушью по краю, срединные резцы на пластинках, концевые скребки. Сходство этих изделий с анангульским инвентарем относительное.

В то же время комплекс Будун связывается с другими докерамическими комплексами Байкала — Харилгай, Сарма, которые в свою очередь хорошо сопоставляются с мезолитическими памятниками Приангарья — Усть-Белая, Бадай, Черемушник, Верхолесская гора. Каменный инвентарь на этих стоянках представлен в более полном виде, чем на Будуне. Наиболее ранние из них комплексы Черемушник, Бадай, Перешеск, которые Иркутский археолог М. П. Аксенов выделил в особую бадайскую культуру, датируемую начальным этапом мезолита, или, по геологическим масштабам, ранним голоценом.

Коллекция каменных изделий бадайских стоянок состоит из микропластинок, в том числе пластинок с заостренным верхним концом, резцов, пластинчатых пожей-вкладышей, скребков, рабочий конец которых обработан крутой ретушью, полудунных пожей, скребел, нуклеусов — клиновидных и поддисковидной формы, ретушированных пластин, ножей-бифасов, микроскребков, чопперо-видных орудий, тесловидных и топоровидных орудий из галек. Этот инвентарь сходен с материалом нижнего объединенного горизонта (IV—VI слои) Усть-Белая, который представляет собой дальнейшее развитие мезолитических культур Приангарья.

Многого из того, что мы называли, нет среди находок на Анангуле. Сходство прослеживается только между отдельными формами орудий: пластинками, заостренными и ретушированными на переднем конце, некоторыми типами клиновидных нуклеусов и резцов с ретушированными длинными краями и косым поперечным сколом резцового типа, получивших в Приангарье название «верхолесского типа». Последние имеют выдержанные устойчивые формы и типичны для верхнепалеолитических и мезолитических стоянок Восточной Сибири.

Прослеживая распространение резцов «верхолесского типа», М. П. Аксенов находит подобные изделия не только в Забайкалье и Монголии, но и на Японских островах — в материалах стоянки Арая, где они известны как резцы Арая. При этом он подчеркивает, что «непременным спутником» верхолесских резцов являются нуклеусы гоубийского типа.

Гобийские нуклеусы отличаются от других клиповидных нуклеусов только сильно вытянутой клиповидной частью, из-за чего ширина нуклеуса значительно превышает его высоту. И хотя свое название они получили по находкам в Гоби, район их распространения гораздо шире. Они встречаются в верхнем палеолите и мезолите Приангарья, в Забайкалье, на Алдане и Амуре, в Приморье, Северном Китае и Японии, на Камчатке и Аляске. Правда, на Камчатке в мезолитических слоях Ушковской стоянки находки гобийских нуклеусов не сопровождаются резцами, но это, по-видимому, особенность местного развития. Вообще же районы распространения резцов «верхоленского типа» и гобийских нуклеусов в основном совпадают.

Первоначальными центрами распространения этих инструментов, по мнению М. П. Аксенова, были бассейны Ангары и Амуре, откуда «уже на ранних ступенях мезолита охотничье-рыболовецкие племена проникают на Лену и Японские острова и в дальнейшем достигают Северной Америки (Аляски)»⁴⁸. Выводы М. П. Аксенова значительно дополняют и углубляют гипотезу о расселении человечества из Центральной Азии в Америку, выдвинутую еще Ш. Нельсоном и основанную, кстати сказать, также на гобийских нуклеусах.

Таким образом, сочетание резцов «верхоленского типа» с гобийскими нуклеусами можно считать объединяющим элементом, связывающим многие памятники, рассеянные на обширной территории от Центральной Азии до Аляски. Вместе с тем в различных местах эти памятники имеют свои особенности, по-видимому, не только локального, но и генетического характера. К примеру, на позднепалеолитических и раннемезолитических стоянках Приангарья находки резцов «верхоленского типа» и гобийских нуклеусов обычно дополняются чопперовидными орудиями и крупными скреблами сибирского типа, составляя с ними единый комплекс.

На Апангуле и вообще на Аляске скребла такого типа не встречаются. В мезолитических слоях Ушковской стоянки на Камчатке есть гобийские нуклеусы, скребла, широкие пожи-бифасы, подобные позднепалеолитическим и раннемезолитическим орудиям Приангарья, но нет резцов «верхоленского типа». В то же время здесь встречаются изделия, которых нет в памятниках Приангарья.

Отсюда напрашивается вывод, что, хотя отмеченные аналогии и указывают на определенное единство в технике обработки камня п типах каменных изделий Приангарья, Камчатки (Ушковская стоянка) и Анангулы, они не дают достаточных оснований выделять в бассейне Ангары какой-то единый центр, откуда бы распространились эти общие элементы. По-видимому, более широкие аналогии каменной индустрии Анангулы следует искать в другом месте.

В этом отношении весьма перспективны Японские острова и районы советского Дальнего Востока.

В Японии техника пластин, которая может быть сопоставлена с техническими принципами каменной индустрии Анангулы, наибольшего развития достигает на Хоккайдо и в северной части Хонсю в мезолитическое время или в поздний период докерамических культур — около 13 000—10 000 лет назад, по определению японских археологов. Наиболее яркими и выразительными памятниками этого периода считаются Сиратаки-32 (12 700 лет назад), Саккацу (12 500 лет), Татикава I, Товарубецу (12 500 лет), Татикава II (9900 лет) на Хоккайдо и Арая (13 200±350 лет) в префектуре Ниигата на Северном Хонсю. Основная часть изделий на этих стоянках изготавливалась из пожевидных пластин, снятых с нуклеусов, подиризматических, конических, клиновидных и близких по типу к гобийским.

По общей форме и характеру обработки многие образцы этих изделий чрезвычайно похожи на изделия Анангулы. Четче всего аналогии с ними прослеживаются в материалах стоянок Саккацу и Арая. Здесь прежде всего имеется тот же набор микро- и мезопластин, причем размеры их как и на Анангуле, редко превышают 12 сантиметров. В обработке изделий широко используется техника поперечного или диагонального режцового скола, которым оформляется обычно один верхний конец орудия, а его боковые края покрываются крутой мелкой ретушью. Иногда ретушь, как и у анангульских образцов, наносилась и на самом кончике орудия. Таковы, например, анангульские ретушированные лезвия с симметрично- или асимметрично-заостренным верхним концом пластины, у которой преднамеренно снимался ударный бугорок. Такие изделия встречаются и в Саккацу, и на стоянке Арая.

Нуклеусы удлинённой клиновидной формы и со ско-

шенной ударной площадкой, концевые скребки на пластинах, а также ретушированные острия Анангулы находят аналогии в Саккацу. В этом комплексе есть также пластинчатые отщепы, снятые с угла нуклеуса, и отщепы, сколотые от ранее отделенной ударной площадки. Находки таких отщепов свидетельствуют о сходстве технологических операций в обработке камня.

На основе такого сходства, абсолютно тождественного, кажется, можно было бы сделать вывод о том, что традиции каменной индустрии Анангулы возникли именно в Северной Японии, на Хоккайдо или Хонсю, и отсюда через Курильские острова и Камчатку распространились на Алеуты. Однако сами японские археологи не считают Японию родиной культуры пластин. По их мнению, техника пластин пришла с севера Азиатского материка, поэтому наибольшее развитие она и получила на Хоккайдо. Японские археологи Ч. Сэридзава и Ф. Икава полагают, что центр непосредственных предшественников пластинчатых острий находится где-то в степных районах Азии.

Эта идея неоднократно высказывалась и развивалась советскими археологами⁴⁹. Для ее доказательства важное значение имеют открытые в последние годы в южной части советского Дальнего Востока верхнепалеолитические и мезолитические памятники: Осиповка, пещера «Географическое общество», Осиповка II, Олений I и особенно Устиновка, где пластинчатая техника достигает наибольшего расцвета.

Сопоставление докерамических комплексов Японии и находок со стоянки Устиновка показывает, что эти комплексы имеют бесспорные и прямые соответствия. Общие у них характерные пластинчатые нуклеусы, с которых снимались широкие пластины, имеющие на спинке не две, а лишь одну продольную грань; заготовки и законченные образцы нуклеусов гобийского типа; длинные скребки концевого типа с овальным концом; односторонне ретушированные острия, резцы среднего типа.

Важно, что находки со стоянки Устиновка имеют аналогии в ранних докерамических комплексах Японии, в которых тоже есть крупные пластины и архаические пластинчатые (эпилеваллуазские) нуклеусы. На основе этих эпилеваллуазских традиций складываются и развиваются палеолитические и мезолитические культуры Японских островов и советского Дальнего Востока.

Поиски истоков верхнепалеолитических и мезолитических культур Приморья и Японии, а следовательно, и Камчатки (Ушковская стоянка) и каменной индустрии Анангулы ведут нас в Монголию. Здесь, в долине реки Халхин-Гол открыто интересное поселение Хере-Уул. Его возраст 13 000—12 000 лет тому назад.

Когда советские археологи провели широкие раскопки поселения, собрали и проанализировали материал Хере-Уул, открылась поразительная картина — полный набор всех элементов, которые рассеянно встречались в разных местах.

Здесь оказались сконцентрированными все характерные элементы (гобийские нуклеусы, «лыжевидные» сколы, резцы типа Арая, чопперовидные изделия, галечные нуклеусы, сибирские скребла и ножи «верхоленского типа»), которые в различных сочетаниях находили в Прибайкалье, на Дальнем Востоке (Устиновка), в Японии, на Камчатке (Ушковская стоянка) и на Алеутских островах (Анангула).

Логика подсказывала — центр происхождения отдельных элементов искать там, где они встречаются вместе. Под влиянием глубинных культур Внутренней Азии складывалась и развивалась техника пластин Дальнего Востока и, очевидно, Северной Японии, которые в конце палеолита, по-видимому, и образовали единую культурную область.

Во время долгих анагульских вечеров, рассматривая и обсуждая наши находки, мы насчитали среди них семь элементов, связывающих Анангулу с древними культурами Азии. Первый такой элемент — пластины леваллуазского облика и одноплощадочный нуклеус леваллуазской формы со скошенной ударной площадкой. Второй — наличие гобийских, или клиновидных нуклеусов. Третий — традиции галечных орудий. Четвертый — использование метода продольного и диагонального резцового скола, как это отмечено в памятниках Монголии (Хере-Уул), Приморья (Устиновка), Японии (Арая), Сахалина (Имчи). Пятый — остроконечники, близкие к мустьерским. Шестой — находка скребка сибирского типа. Седьмой — скалывание у пластин ударного бугорка — прием, характерный для технологии каменных орудий докерамических культур Дальнего Востока.

Итак, если раньше только один элемент — «гобийский

пуилеус» — свидетельствовал о контактах между Азией и Америкой, то на Анангуле таких связующих звеньев оказалось не несколько. Все эти характерные признаки отчетливо указывают на азиатский облик каменной индустрии Анангулы и на ее заметное тяготение к тихоокеанской культурной области.

Предполагается, что заселение Американского континента человеком через Берингию шло двумя путями: традиционным северным — по нему шли предки индейцев, и южным, по нему должны были пройти тихоокеанские монголоиды — предки алеутов. Отдельным группам этих переселенцев около 10 тысяч лет назад удалось обогнуть Берингово море по южной окраине Берингии и спуститься вниз по краю платформы к ее оконечности — Умпакско-Анангульскому выступу. Здесь, встретив благоприятные природные условия, они обосновались.

По всей вероятности, анангульцы были первыми людьми, которые достигли этого района Аляски. По крайней мере, в настоящее время нет никаких свидетельств о более древнем пребывании здесь человека. Распространению мигрантов на восток вдоль полуострова Аляска, по-видимому, препятствовал ледник, который в то время закрывал доступ в центральную часть полуострова, а продвижение на запад ограничивалось широким (более 45 километров) и глубоким (до 200 метров) проливом, во все времена отделявшим Умпак от Четырехсопочных островов. Для ранних переселенцев, еще не освоивших мореплавание, это была серьезная преграда.

Такая изоляция способствовала формированию особенных расы, языка и культуры алеутов.

Расположение стоянки анангульцев у самого края платформы в прибрежной зоне, очевидно, не было случайным. Выбор этого места определялся богатой морской фауной. Пролив Самалга, отделявший умнакский конец бывшего полуострова от Западных островов, издавна служил основным путем для мигрирующих морских млекопитающих. Каждую весну через этот пролив из Тихого океана в Берингово море проплывали тысячи котиков, китов, а затем осенью возвращались обратно. Берега небольших бухточек и заливов были лежбищами тюленей, сивучей, а в прибрежной литоральной зоне в изобилии водились морские ежи, осьминоги, разнообразные виды моллюсков. Море изобиловало рыбой. Даже сейчас этот район

считается одной из богатейших экологических ниш северо-восточной части Тихого океана.

Топографическое положение Анангулы, таким образом, с достаточной определенностью указывает на экономические интересы ее основателей. Население Анангулы было связано с прибрежной системой хозяйства, включавшей собирательство продуктов моря и охоту на морских млекопитающих. Не исключено, что анангульцы охотились и на оленей-карибу, но прямых доказательств этому нет.

Анангульская стоянка с пластинами была большим долговременным поселением. Десятки образцов, взятых при раскопках для радиоуглеродного анализа, позволили получить 34 абсолютные даты. Анализируя эти даты, американские исследователи пришли к заключению, что поселение существовало в период от 8700 до 7800 лет назад. Этот вывод подтверждают и геоморфологические данные. Согласно этим данным поднятие уровня моря около 7600 лет назад привело к разрушению террасы юго-западной оконечности острова Анангула и заставило население покинуть это место.

Размеры поселения (300×75 метров), обилие каменного инвентаря Анангулы характерны для больших алеутских поселений 4000—1000 лет назад, в которых проживало 200 и более человек. Можно предполагать, что и на Анангульской стоянке жило, по меньшей мере, человек 100. Все это говорит о прочной оседлости. Без развития новой экономики — эксплуатации морских богатств — оседлый образ жизни был бы здесь немыслим.

Наши раскопки, таким образом, еще раз убедительно показали, что на Анангуле существовали древнейшие приморские культурные традиции. На основе их в дальнейшем развивается древняя культура алеутов с четко специализированным приморским хозяйственным укладом.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГИПОТЕЗЫ «ДВОЙНОГО ПАЛЬЦА»

Целыми днями шел мелкий морозящий дождь, и казалось, что все вокруг пропиталось влагой. По вечерам опускался туман. Седая морось покрывала палатки, прибрежные камни, траву. А то налетали свирепые ветры, и мы убеждались в правоте тех, кто называл Алеутские острова колыбелью ветров, родиной тайфунов. Говорят, что именно здесь, у берегов Лисьих островов, на стыке Берингова моря и Тихого океана зарождаются яростные штормы и все-сокрушающие цунами, которым почему-то дают красивые женские имена. Отсюда они идут в южные широты к Филиппинам и Японским островам, угрожая всему живому. Однажды в конце июля штормовые ветры устроили экзамен нам и нашему снаряжению.

Незадолго перед закатом ветер расшвырял облака на северной стороне неба. Дождь перестал. В сумерках трудно стало различать, где небо, а где море. Вокруг лишь чернь прибрежных утесов да белые пятна прибоя у них. И вдруг в стороне Берингова пролива полыхнуло по небу кроваво-красным. Мы стояли и любовались этим необычайным зрелищем. Перед нами словно ожили полотна

Р. Кента с их неожиданной и причудливой окраской скал, моря, облаков.

Море потихоньку успокаивалось, и, казалось, ничто не предвещало шторма. Но уже через час налетел ураганный ветер с дождем. Залезая в спальные мешки, мы слышали тяжелое гудение моря, раскатистые, как артиллерийские залпы, удары волн.

А потом началось... Ветер налетал шквалом, он рвал палатку, бросал в нее все новые и новые мощные заряды дождя. Скоро по углам палатки появились темные пятна, потом — на швах, а потом вода потекла в палатку... Опоры одной из палаток не выдержали, и ветер изорвал в клочья ее синтетическое покрытие. Были повреждения и на других палатках: порвались тенты, вырвались кольца растяжек. К тому же все палатки протекали. Словом, ночь прошла беспокойно.

А утром, когда штормовой ветер утих и мы обрели способность шутить, вспомнили, что совсем недавно с интересом читали рекламу тех самых палаток, что стоят в нашем лагере: «специально предназначенные для северных районов Аляски, прочные, удобные» и т. д. и т. п.

В. Лафлин улыбался: «Надо сфотографировать разрушенную палатку и послать фотографию фирме Эдди Бауэра» (Eddie Bauer).

Раскоп залит водой. Разделенный на квадраты, он напоминает рисовое поле. Но работы продолжаются, и продолжаются интересные находки. Обнаружили две небольшие бусины, сделанные из трубчатых костей птицы. Это первые находки костяных изделий на Анангуле. Их зарисовывают, фотографируют и упаковывают с особой тщательностью.

Не менее интересен скребок на пластине, конец которой оформлен в виде треугольной шляпы. Этот технический прием хорошо известен в археологии под названием «треуголка Наполеона» и характерен для традиций леваллуа. На Анангуле вообще поражает такое переплетение старых архаических традиций с более поздними технологическими принципами в обработке камня.

Вечером, как обычно, собираемся в нашей «кают-компании». На этот раз рассказываем об основных центрах палеолитических культур Сибири и Дальнего Востока. Американцы слушают с интересом. Даже Дэвид, который всегда, как правило, молчит, оживился, увлеченный рас-

сказом. Ведь речь идет о таких интереснейших памятниках, как Мальта, Буреть, Верхоленская гора...

А потом В. Лафлин рисует схему эволюции алеутской культуры: от Анангулы 8700—7800 лет назад к Чалуке, где демонстрируется последовательность четырехтысячелетнего развития. Несмотря на значительный хронологический разрыв, он видит прямую преемственность между Анангулой и Чалукой⁵⁰.

— Здесь открывается уникальная возможность проследить непрерывную историю алеутов, развитие их культуры, их адаптации за период, превышающий восемь тысяч лет,— говорит он.

Нужны доказательства? Они есть. В нижних слоях Чалуки прослеживаются анангульские технические приемы односторонней обработки каменных орудий, в принципе сохраняются те же формы каменных чаш, ламп-светильников, такие же грузила для ловли рыбы удочкой, тот же обычай использования охры, наконец, та же экономика.

Это действительно так. Но известны и другие точки зрения. Американский археолог Д. Дюмонд писал, например, о генетической близости между Анангулой и комплексом Децби на Аляске. По его мнению, Анангула — предок Децби, а Децби — предок всех эскимосских культур.

Находились и такие исследователи, которые писали о значительном различии между Анангулой и Чалукой, приводя как аргумент тот факт, что в основе анангульской индустрии лежит техника пластин, а на Чалуке ее нет.

В этой связи полезно вспомнить гипотезу «двойного пальца» А. Хрдлички. Согласно этой гипотезе эскимосы родственны индейцам так, как большой палец связан с другими пальцами руки. А чтобы оценить положение алеутов в этой системе, нужно вообразить еще один большой палец. К сожалению, это положение А. Хрдлички не было опубликовано при жизни и не вошло в его посмертную публикацию о населении Алеутских и Командорских островов.

— Некоторое сходство антропологических черт алеутов и эскимосов вовсе не означает, что была прямая миграция одних к другим. В целом два этих вида значительно отличаются друг от друга,— говорит В. Лафлин.

В нашей литературе уже высказывалось основанное на анализе археологического материала предположение о зна-

чительном различии между древнейшими пластами алеутской культуры и теми комплексами, которые считаются исходными для эскимосов. Говорилось и о довольно ранней обособленности алеутов и эскимосов. Такое разделение культур, очевидно, произошло еще в период существования Берингийской платформы⁵¹. Сейчас благодаря исследованиям В. Лафлина эта мысль убедительно подтверждается новыми фактами и не только археологическими, но и антропологическими.

Что же касается эволюционного ряда в развитии алеутской культуры, то здесь действительно есть еще белые пятна.

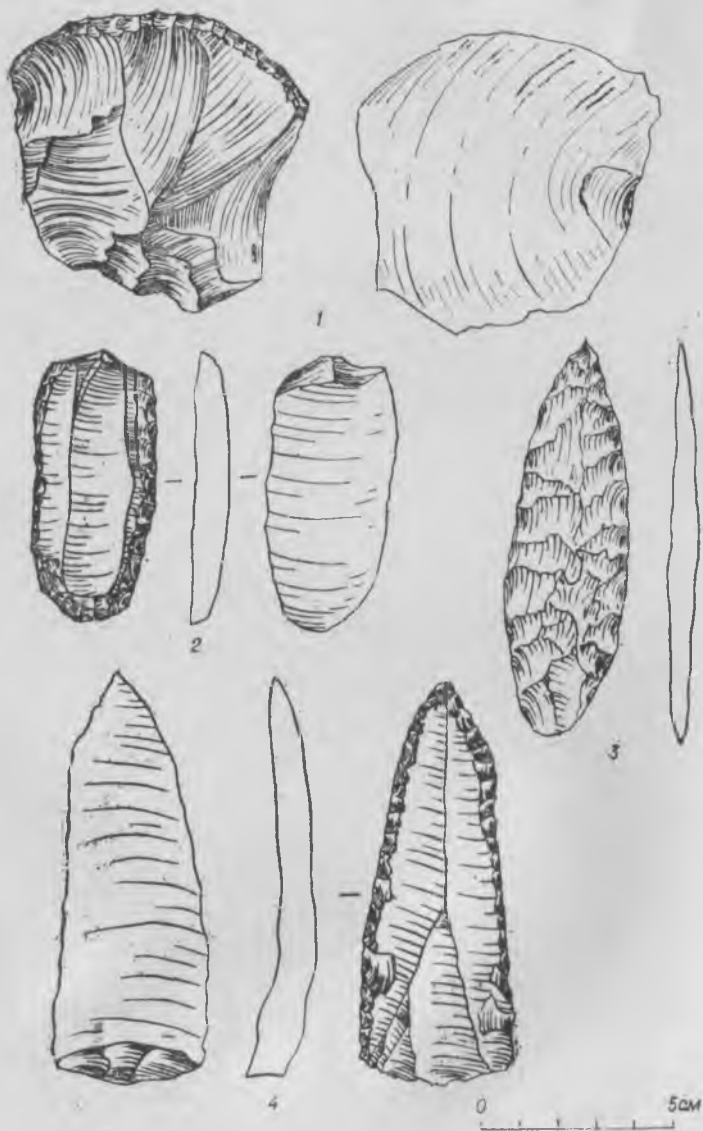
В 1973 году Джин Айгнер исследовала стоянку Санди Бич на острове Умнак, возраст которой радиоуглеродным методом определен в 5000 лет назад.

По характеру материала она близка к Нижней Чалуко и заполняет определенный пробел (около 1000 лет) в общей схеме развития. И все же в эволюционном ряду алеутской культуры не хватает еще одного звена, может быть, двух, чтобы окончательно отместить все возражения.

Дело в том, что для стоянки с пластинами Анангулы характерны односторонне обработанные орудия, а для Чалуки и Санди Бич — двусторонне обработанные. Более древней была культура односторонней обработки. Но как она пришла к культуре двусторонней обработки? Может быть, на Анангулу пришли люди культуры пластины и затем ушли отсюда? Может быть, эта древняя культура была уничтожена извержениями вулканов — ведь они и сейчас находятся совсем близко от стоянки? А может быть, на Умнаке было последовательное развитие и чисто алеутская культура родилась здесь, на месте из более древней? Проблема большого научного значения.

— А не пайти ли нам это недостающее звено? — шуточно предложил кто-то из нас.

Слова эти оказались пророческими. 3 августа мы начали раскопки на восточном побережье острова Анангула на месте большого поселения, получившего название Вилледж Сайт. Оно расположено на крутом утесе. Верхняя часть поселения находится на высоте 36 метров, нижняя — на высоте 22 метров над уровнем моря. Здесь, в густых зарослях аконита, были найдены котлованы шести больших полуподземных жилищ. Американские археологи уже вели раскопки одного из них и получили радиоуглеродную

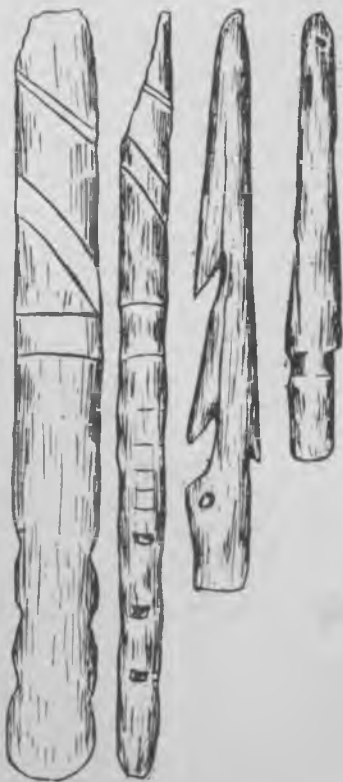
Каменные орудия, обнаруженные на Анангуле — стоянке с пластинами (1, 2, 4) и Вилледж Сайт (3).

дату 2115 ± 120 лет назад. Она хорошо согласуется с археологическим материалом.

Мы разбили свой раскоп несколько южнее от места работ американцев, на самом берегу. Там, где каменистый утес круто обрывался к морю. Отложения здесь были примерно такие же, как и на стоянке с пластинами. Четко прослеживались те же самые четыре слоя вулканического пепла. Над четвертым слоем пепла залежали два культурных слоя с остатками древних жилищ и обилием разного рода орудий. Они относились к поздним этапам алеутской культуры (вспомним, что этот пепловый слой выпал 3000 лет тому назад). Пройдя этот слой пепла и лежащую под ним стерильную глинистую прослойку, мы неожиданно наткнулись на еще один культурный слой. Он лежал непосредственно на третьем пепловом слое, дата которого 7000 лет назад.

И тут началось невероятное. Последовали находки, о которых и не мечталось.

Разбирая углубленное пятно, находим односторонне обработанную пластинку, выполненную в лучших традициях Апангулы. Она — точная копия тех пластинок, что встречались нам на стоянке с пластинами. А через несколько минут еще более неожиданная находка — небольшой (4,1 сантиметра) черешковый наконечник, очень архаичный по форме и технике. Он обработан сколами только по краю и только с дорсальной стороны. Эта находка сразу вызывает в памяти наконечники, найденные Н. Н. Диковым на Камчатке в палеолитическом слое на Ушковой стоянке.

Постояные изделия, найденные в верхних слоях поселения Вилледж Сайт.

Открытие столь архаичных орудий встречается В. Лафлином и его коллегами с большим энтузиазмом.

Потом мы нашли еще десятки типично анапгульских пластин. Были и черешковые наконечники, были и инструменты с диагональным резцовым сколом анапгульского типа. И самое главное, они лежали вместе с орудиями, точь-в-точь такими, какие обнаружены в Чалуке. Недостающее звено было найдено.

Комплекс на Вилледж Сайт предварительно датируется временем 6000—5000 лет назад.

В. Лафлин записал в своем дневнике: «В 13³⁰ на Вилледж Сайт обнаружена пластина, в 13⁴⁵ найден черешковый наконечник!»

Значение этого открытия в истории алеутов трудно переоценить. В течение многих лет американские исследователи пытались найти памятники, которые могли бы заполнить пробел в развитии алеутской культуры, найти связующее звено между памятниками Анапгулы и Чалукки. И вот теперь это произошло.

Обнаруженный нами новый культурный слой замечатель тем, что в нем есть древние пластины великолепной техники, гобийские пуклеусы, а вместе с ними и двусторонне обработанные наконечники, очевидно, гарпунов или гарпунных стрел. И самое интересное, что эти наконечники близки по форме к наконечникам Упковской стоянки на Камчатке.

Отсюда следует важный вывод: существовали прямые контакты не между абстрактными районами Азии и Америки, а между Камчаткой и Алеутскими островами.

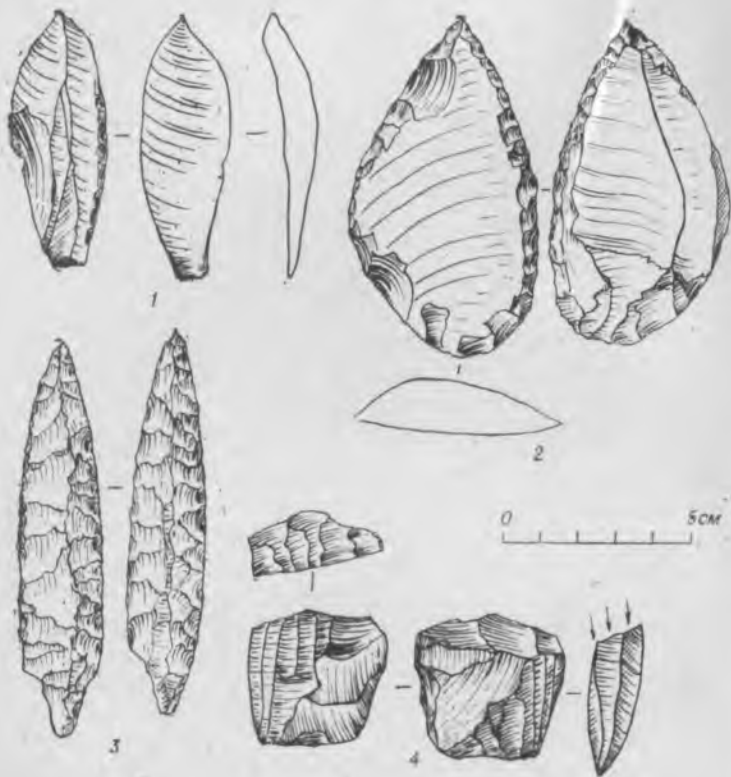
И раньше высказывались предположения о том, что культура алеутов испытывала влияние древних культур Камчатки. Но это были только предположения. Теперь они подтверждаются фактами.

Вилледж Сайт. Наконечник гарпуна. Древнеалеутский комплекс.

Образцы каменных изделий из Вилледж Сайт: пуклеусы (1, 2), инструмент с диагональным сколом (3), черепшиковые паконочки (4, 5).

Каменные орудия Анаугулы: остроконечники из поселения Вилледж Сайт (1, 3) и стоянки с пластинами (2), нуклеус (4, Вилледж Сайт).

5 августа 1974 года. Сегодня с Анаугулы уезжает первая группа членов нашей экспедиции: Рут, Мэри, Лесли, Дэвид.

Днем прояснилось, и открылись заснеженные конусы Четырехсочных островов. Первый из них Кагамил — знаменитый остров мумий. В его пещерах проводил раскопки еще А. Хрдличка. Перед началом второй мировой войны он исследовал две самые большие пещеры острова, где обнаружил более десяти мумий, подвешенных к каменным стенам пещер. Они были натерты специальной «мазью» для бальзамирования, одеты в парки из морской выдры или птичьих шкур и плотно завернуты в травяные циновки. Вместе с мумиями в пещерах находились

каменные и костяные инструменты, оружие, украшения.

Вопрос об этом необычном способе захоронения, в прошлом практиковавшемся у алеутов, и сегодня волнует исследователей. Предпринимаются поиски более древних мумий.

А мы продолжаем раскопки на Вилледж Сайт. Пришла Аксинья. Смотрит на нашу работу и говорит: «Русские быстро работают». Потом она собирает траву для плетения корзин. По-алеутски эта трава называется кейказах, и брать ее нужно дальше от берега, так как береговая трава ломкая и не годится для плетения корзин. Плетение — древнее искусство алеутов. Сейчас оно забывается. В селе Никольском, например, осталось лишь пять женщин, которые умеют плести корзины.

К вечеру вернулся из Никольского Бруно и сообщил, что самолет из Анкориджа не прилетел. В воздухе он столкнулся с орлом и вынужден был совершить посадку в Колд Бэе.

Задержка с вылетом всегда неприятна, а тем более на Алеутских островах с их изменчивой погодой.

Но все обошлось благополучно. На следующий день прилетел другой самолет.

15 августа. Теперь из Никольского улетаем и мы. Нас тепло провожают жители села — алеуты. Накануне нашего отъезда одна из женщин-алеуток Мэй Ермилова испекла для нас печенье, а Агния Суворова — торт. Как водится по русскому обычаю, на дорогу...

Взлетая, видим в иллюминатор прощальные взмахи рук Суворова, Крюкова, Душкина...

На Умнаке и Уналашке нас, историков, среди всего прочего не могли не интересовать старые русские церкви с их архивами, где, несомненно, хранились сведения о Русской Америке, о деятельности русских на Аляске и Алеутских островах.

Правда, вторая мировая война оставила свои следы и здесь. Из-за угрозы нападения на Алеутские острова японцев после их вероломного налета на Пирл-Харбор местное население было выселено на материк. Пострадали и архивы. Но все же в церквях Умнака и Уналашки сохранилось еще немало интересного.

В иконостасе Никольской церкви есть иконы конца XVIII или начала XIX столетия, писанные маслом на холсте в духе русской академической школы. На Уналашке Вильям Лафлин попросил прочесть надпись, выгравированную под иконой Пантелеймона Целителя. Оказалось, к нашему удивлению и к восторгу Лафлина, что эта икона была установлена в 90-х годах прошлого столетия в память организации на Алеутских островах общества трезвости.

Представляла интерес икона Николая Чудотворца — пре-

стольная икона храма в Никольском, одетая в серебряную ризу, превосходный образец стиля барокко. И, что наиболее важно, риза была датирована 1794 годом — временем расцвета деятельности Российско-Американской компании, главная роль в которой принадлежала Иркутским купцам, в том числе самому Григорию Шелихову. Точь-в-точь такие ризы ковали в старом Иркутске тамошние искусные мастера серебряного дела. Их ювелирной работы изделия были известны далеко за пределами города. Судя по описям, они украшали и древнюю Зашиверскую церковь, через которую шли пути дальше на север и восток Сибири, вплоть до Америки. И разве не замечательно, что такая риза иркутской работы оказалась в алеутском селе Никольском на Умнаке как свидетельство конкретных связей Алеутских островов с Сибирью, алеутов с русскими.

Зайдя в Никольскую церковь на Умнаке, мы увидели государственный флаг Соединенных Штатов: с 1967 года Аляска — 49-й штат Америки. Когда же мы раскрыли молитвенник, изданный в 1943 году, по которому православная церковь правит службу во время эктении, прочитали: «Еще Господу помолимся о стране Российской и о стране сей и президенте ея». Значит, сначала о стране Российской!

Каждый раз, когда заходила речь о русской церкви, да и не только о ней, наши собеседники с большим чувством вспоминали Иннокентия Вениаминова.

Этот человек прославил себя как один из пионеров освоения Алеутских островов, как автор капитальных трудов об этих островах и жизни алеутского народа. Родиной Вениаминова было старинное русское село Анга на Лене, основанное некогда выходцами-вкладчиками из Якутского Спасского монастыря.

Отец его умер сорока лет, а мать с четырьмя детьми осталась, как пишет биограф Вениаминова П. Барсуков, «в беспомощном положении» и страшной нищете⁵².

В Анге до сих пор сохранились два дома: священника и причетника, рубленые, может быть, еще в первой половине XVIII века топором, с потолками из круглых бревен (не умели еще тогда шилить доски!). Должно быть, в одном из них в семье сельского пономаря Ильинской церкви Евсевия Попова 27 августа 1797 года родился сын Иван, впоследствии архиепископ Камчатский и Якутский Иннокентий Вениаминов.

Вспоминая свою юность, дни, проведенные в Иркутской семинарии, П. Вениаминов говорил потом: «Учился я хорошо, но чистого, без мякины, хлеба до выхода из семинарии не пробовал».

Под влиянием своего дяди юный Вениаминов пристрастился к механике. Когда епископ Михаил П задумал устроить на соборной колокольне городские часы, для этой цели был приглашен Клим — часовой мастер из ссыльно-поселенцев. К нему и зачастил семинарист Иван Попов. Об этом стало известно архиерею, и семинариста заподозрили в том, что он лентяй и уклоняется от учебных занятий. Когда же выяснилось, что это самый способный и старательный ученик, ему милостиво было разрешено помогать мастеру Климу.

Юный механик не только был усердным помощником часового мастера, он и сам начал делать часы: сначала водяные, а потом солнечные, чем приводил в удивление семинаристов, так как «многим в то время в Иркутске не доводилось видеть никаких часов, по редкости их».

Окончив семинарию, Иван Попов по традиции получил новую «благозвучную» фамилию — Вениаминов, в память об епископе Вениамине. Так началась деятельность Вениаминова в Иркутске сначала как дьякона, а затем и настоятеля Иркутской Благовещенской церкви, построенной в 1785 году Иваном Баушевым и другими иркутскими купцами.

Перелом в спокойной жизни П. Вениаминова произошел внезапно. В начале 1823 года пришел в Иркутск указ Синода о том, что пужно послать из Иркутска священника к алеутам на остров Уналашку. Об этом узнали в Иркутске, но «никто и помыслить не мог о поездке туда, потому что в те времена Америка и Камчатка страшно пугали деспотизмом правителей. Из всех призываемых Преосвященным к отправлению на Уналашку охотника не нашлось».

Когда же архиерей потерял надежду найти добровольца, готового ехать в Америку, перед ним появился Иннокентий Вениаминов и заявил о своем согласии. Как писал сам Вениаминов впоследствии, в Иркутск приехал «выходец с Алеутских островов» Иван Крюков, который прожил с алеутами около сорока лет. Он-то и стал убеждать П. Вениаминова поехать на острова. Однако поначалу рассказы Крюкова не имели должного действия. «Да и в

самом деле, — вспоминал Вениаминов, — мог ли я, или был мне какой расчет, судя по-человечески, ехать Бог знает куда, когда я был в одном из лучших приходов в городе, в почете и даже в любви у своих прихожан, в виду и на счету у своего начальства, имел уже собственный свой дом, получал доходу более, чем тот оклад, который назначался на Уналашке?»

И вдруг неожиданно для всех и даже для самого себя «весь загорелся желанием ехать к таким людям... Как будто что-то поворотилось в груди моей, и я тут же объявляю своим домашним: я еду! Ни слезы родных, ни советы знакомых, ни описания трудностей дальнего пути и ожидающих меня — ничто не доходило до моего сердца; как будто огонь горел в моей душе...»

Так начался путь от Иркутска на лошадях до села Ангинского. Оттуда по реке Лене сплавом до Якутска. От Якутска дорога лежала по тайге, болотам, горам и речным переправам до Тихого океана. В Охотске в просторной бухте высились мачты парусных судов, казенных и принадлежавших Российско-Американской компании. На них и должен был плыть наш путешественник к своим алеутам и эскимосам, к Ситхе и Уналашке.

Во времени прибытия И. Вениаминова на Уналашке существовало 10 алеутских селений, в которых проживало 470 алеутов, креолов и русских. Со всей присущей ему энергией новый русский священник принимается за деятельность столь же необычную, как и он сам — крестьянский сын, потомственный сибиряк.

Вряд ли стоит останавливаться подробно на деятельности Вениаминова-миссионера. Успех ее в конечном счете свидетельствовал о живом интересе алеутов к новой для них передовой культуре, элементом которой в их глазах и было православие.

Для характеристики реального положения дела, пожалуй, следует привести один любопытный факт. Объясняя причины успеха своей пропаганды христианства среди алеутов, Вениаминов, кроме ссылки на покладистый характер и доверчивость алеутов, говорит, что шаманство сослужило этому делу добрую службу. Старик-шаман и тоби Иван Смиреников будто бы предсказал своим соратникам в 1828 году прибытие Вениаминова на остров Акуц, и тем самым подготовил ему торжественную встречу... Чтобы предупредить об этом приезде, старику Смирени-

кову будто бы явились «белые люди», типа православных ангелов. Так обнаружился своеобразный алеутский христианско-шаманский синкретизм. Сказалась удивительная смесь древних шаманских воззрений с обрывками новой, православной мифологии.

Главное, конечно, не в этом, а в том реальном вкладе Вениаминова как носителя передовой культуры, новых форм быта и хозяйства в жизнь алеутского народа.

Первое, что сделал Вениаминов на Уналашке — выстроил силами алеутов вместо старой небольшой часовни, оставшейся от его предшественника миссионера Макария, настоящую церковь, предварительно обучив алеутов плотничьему, столярному и отчасти слесарному мастерству, кузнечному делу, а также выделке кирпича и каменной кладке. Сам же миссионер, что было совсем необычно, выполнял наиболее ответственные художественные работы: престол, иконостас и его позолоту.

Не ограничиваясь сооружением церкви Вознесения на Уналашке, Вениаминов из плавника, выброшенного морем, построил большую часовню на острове Умнак — в пышном селе Никольском. И здесь под его руководством и обученные им плотничьему мастерству ее строили сами алеуты.

Наблюдая жизнь Алеутских островов, Вениаминов не ограничивался ее описанием. Практический склад ума и деятельный характер этого человека выразился в заботах о сохранении природных ресурсов Алеутских островов, о рациональном их использовании. По словам выдающегося исследователя А. Ф. Кашеварова, «отец Иоанн Вениаминов, часто посещая для исправления церковных треб острова Прибылова, как принадлежавшие к приходу Уналашкинской церкви, проживал там по нескольку дней и, следовательно, мог сам делать наблюдения над котиками; составил интереснейшую таблицу вероятной возможности размножения котиков, если промышленники при ежегодном промысле этого зверя будут ограничиваться показанными в таблице его количествами, постепенно возможного увеличения добычи зверя, от определенного им минимума, в течение данного в той таблице периода времени до размножения зверя». О «блистательном» успехе этих соображений в практике охотничьего промысла Российско-Американской компании ярко писал адмирал В. С. Завойко — тогдашний начальник Охотской фактории компании, позд-

пее герой обороны Петропавловска-на-Камчатке от англо-французских интервентов: «...выводами из своих наблюдений над жизнью земноводных животных, морских котиков, доставил компании на несколько сот тысяч пользы; и поныне казна ежегодно получает громадный доход, а ежели будут строго держаться правил, выведенных отцом Вениамином, то доход казны должен увеличиваться и достигнуть миллиона».

Тот же неутомимый Вениаминов посадил на Уналашке первую и единственную до сих пор на всем архипелаге рощу деревьев. «Рощу биспопа Вениаминова» нам с гордостью показывали местные жители как самую драгоценную реликвию.

Но больше всего сделал Вениаминов своими трудами по этнографии и языку алеутов и кадьякских эскимосов. Эти лингвистические труды, в том числе грамматика алеутского языка, обессмертили его имя. По словам А. Воейкова, он «первый познакомил науку с новыми, дотоле совершенно неизвестными в лингвистике языками, первый грамматически осмотрел и изучил их. Основательный, беспристрастный и лишенный всякого гипотетического увлечения труд» этот показал, «что алеутский язык есть нечто совершенно отдельное от всех американских языков и стоит каким-то оазисом в родственной американской фамилии». При этом Вениаминов был не только описателем фактов, но и «единственным ученым, занявшимся теорией этих языков».

Лингвистические исследования И. Вениаминова помогли ученым выйти за круг привычных представлений, основанных на изучении норм и законов европейских языков, открывали дверь в непознанный огромный мир языков, причем не только Американского континента. Заслуженной данью уважения к трудам И. Вениаминова по алеутскому языку уже в наше время явились издавшие в 1944 году «Элементы алеутской грамматики». Книга эта создана на основе «Опыта грамматики алеутско-лисьевского языка» И. Вениаминова⁵³.

Так классическая грамматика И. Вениаминова обрела новую жизнь в Америке.

Нельзя умолчать и о трудах И. Вениаминова по этнографии. В своих «Записках об островах Уналашкинского отдела» он создал настоящую энциклопедию природы и жизни алеутов, начиная с материальной культуры⁵⁴. Та-

кова прежде всего картина жилищ как древних, так и современных ему. При раскопках на Вилледж Сайт нам не раз вспоминался его рассказ о древних жилищах, носивших название «улягамах». Это и на самом деле были огромные котлованы, глубокие и просторные. В них могло поместиться несколько семейств, согласно преданиям, от 10 до 40.

Столь же зримо и красочно описаны И. Вениаминовым домашняя утварь, орудия лова и вооружения, оригинальная старинная одежда алеутов: камлейки и парки, обувь без передов — в виде мешков, подобно той, которую нашел А. А. Попов у иганасаи на севере Сибири. Обувь явно древнейшая, палеолитическая, вероятно, принесенная на острова с материка, когда там еще не было керамических сосудов. Как мы убедились на материалах археологических раскопок, от анангульской культуры пластин и до первой встречи с европейцами алеуты не знали посуды из глины.

Плотник, столяр и часовых дел мастер, Вениаминов на своем опыте мог убедиться в том, как легко и охотно перенимают алеуты все лучшее из практики европейцев, как усердно учатся они у русских мастеров: «Все ремесла и искусства, какие только могли русские перенести с собою в Америку, алеуты перенимают с охотой, так что теперь между алеутами можно найти мастеров от сапожника до часовника».

Поражала Вениаминова и способность алеутов усваивать такое новое явление, как письменность: «когда они увидели книжки на своем языке... то даже старики начали учиться грамоте для того, чтобы читать по-своему (и потому теперь умеющих читать из них более чем шестая часть)».

Исключительно ценны наблюдения И. Вениаминова социального строя алеутов, описания их древних обычаев, жизни первобытной общины с элементами патриархального рабства, кровной местию, опустошительными межобщинными войнами. Он хорошо понимал закономерную связь этих явлений с общественным укладом и решительно возражал тем, кто видел в них проявления якобы природной жестокости «дикарей». «О колошах говорят, или по крайней мере говорили, что они — народ зверский и кровожадный, и это доказывали их метительностью и тем, что они убивают рабов своих, но едва ли

колонии заслуживают названия зверских и кровожадных, потому что мщение за обиды есть общий закон всех диких, не имеющих иного закона другого, кроме внутреннего, врожденного. Колонии не ищут крови, но только требуют кровь за кровь... Самая метительность их происходит не столько от раздражительности, сколько от обычая и честолюбия».

Прогрессивная идея о равенстве способностей и психики алеутов и европейцев, можно сказать, пронизывает все «Записки», особенно те главы, где идет речь о национальном характере жителей Алеутских островов.

Алеуты поразили исследователя мужественностью. Они «терпеливы, даже до нечувствительности», способны «на самопожертвование и добры до самозабвения». Наконец, они способны увлеченно работать ради творческой радости труда, а не для извлечения какой-то материальной выгоды.

«...Немного найдется из самых трудолюбивых европейцев таких, которые простым ножом в продолжение нескольких месяцев стали выделывать, например, из кости, разных животных, коробочки или что-нибудь другое для того, чтобы подарить их или променять на папушу табака, или выпивать, или плести какую-нибудь вещь целых полгода для того, чтобы отдать за платок или много за рубашку».

«Записки» И. Вениаминова донесли до нас и духовную культуру древнего алеутского общества, зачатки знаний астрономии и исчисления времени; фольклор, народные предания и песни, а также древнюю религию с ее мифологией и красочной обрядностью, уже в те времена вытесненную и уничтоженную христианством. Иначе говоря, все то, чего не может дать одна лишь археология.

За судьбой И. Вениаминова — этнографа, исследователя жизни алеутов, тонкого знатока их культуры и страны, с тревогой следили передовые русские люди. «Духа его не угашайте вашими шапками и камплавками», — взволнованно писал А. И. Тургенев К. С. Сербиновичу. Но правящей верхушке царской России выгодно было использовать талант, имя и славу ученого в своих целях. Все выше поднимается он по иерархической лестнице: архимандрит, епископ Алеутский и Камчатский, архиепископ Камчатский и Якутский. Вместе с тем все более гаснет в нем дух исследователя, сокращается, как шагреновая кожа в романе Бальзака, диапазон его творческой дея-

тельности. Наконец, слепой и беспомощный, заканчивает он свой жизненный путь на кафедре Московской митрополии, на самом высоком посту в русской церкви.

Таков был этот человек. Под белым клобуком с бриллиантовым крестом сверкали живые пытливые глаза сибиряка-крестьянина, прожившего такую необычную, насыщенную событиями жизнь.

И не случайно так часто вспоминали о нем алеуты и наши друзья-американцы как об одном из замечательных русских людей, внесших свой вклад в историю Русской Америки и алеутского народа.

После Анкориджа нас ждали встречи в Фербенксе — Афинах Аляски. Главная достопримечательность города — университет. Открытый в сентябре 1922 года колледж арктических культур сейчас развернулся в великолепный университетский центр с десятками факультетов, научно-исследовательских институтов, лабораторий и средоточием молодых ученых. Здесь мы познакомились с прекрасной антропологической лабораторией, богатыми коллекциями северных культур. Многие из них собраны в последние годы и еще не опубликованы. Можно назвать, например, интересные материалы древних стоянок Хейли Лайк, Галлахер Флинт, Проспект Крик и, конечно, старые коллекции комплексов Денби, Ипиутака, которые еще долго будут привлекать внимание исследователей.

После двухдневного пребывания в Фербенксе вылетаем на раскопки стоянки Драй Крик. Маршрут полета проходит по трассе строящегося нефтепровода, который пересекает Аляску от залива Прадхо до незамерзающего порта Валдиз на юге полуострова.

На нашем пути лежат огромные пространства Националь-

ного парка заповедника Мак-Кинли. Здесь находится самая высокая гора Северной Америки. Высота Мак-Кинли 6193 метра над уровнем моря. А по красоте гора может посоперничать со знаменитым Эверестом. От ее вершины, увенчанной двумя заснеженными шапками, лучами расходятся ледниковые «потоки». Один из них длиной в 56 километров обрывает свой «бег» в километре от дороги.

Организован парк-заповедник Мак-Кинли в феврале 1917 года благодаря энергичным усилиям общественности и Конгресса. Огромные участки заповедника — это земля, замороженная тысячи лет назад. Короткое лето отвоевывает у вечной мерзлоты лишь несколько сантиметров почвы, а ограниченность солнечного тепла задерживает рост большинства растений, поэтому заповедник так и называют землей маленьких стволов и крошечных цветов.

Удивительно разнообразен животный мир парка Мак-Кинли. Здесь обитает 37 видов млекопитающих и 130 видов птиц. По открытой тундре, пересекая горные массивы, продолжают мигрировать олени-карибу, как это делали и их предки в древности. Проезжая по заповеднику, можно увидеть американского лося, а иногда и медведя гризли, на небольших речках высятся плотины бобров...

Американцы в последнее время прилагают немало усилий для сохранения этого удивительного уголка девственной природы. Принят закон, охраняющий зверей и растения заповедника. За парковой зоной ведет наблюдение специальная служба охраны, оснащенная новейшими средствами связи и транспорта.

Наша поездка по Аляске продолжается. В материалах аляскинских стоянок Кампус, Драй Крик, Хейли Лайк, которые нам удалось посетить, мы находили знакомые по раскопкам сибирских памятников изделия. Очевидно, немало интересного для науки дадут раскопки стоянки Драй Крик, где сейчас ведутся работы под руководством профессора Университета Аляски Р. Науэрса. Стоянка эта находится в 122 км к юго-востоку от Фербенкса, недалеко от селения атапасков Ненаны. Культурный слой стоянки залегает на глубине 135—170 сантиметров. Фаунистические остатки представлены костями лося и, возможно, северного оленя. Среди каменных изделий выделяются клиновидные, «гобийские нуклеусы», микропластинки, резцы, скребки, бифасные орудия. По радиоуглероду эти культурные отложения датируются $10\ 100 \pm 250$ лет назад.

Встреченные здесь орудия во многом тождественны вещам с палеолитических стоянок Северной Азии.

В целом археологические исследования на Алеутских островах и поездка по США были плодотворными и успешными. Они позволили получить богатую информацию, новый выразительный материал, имеющий принципиально важное значение для разработки проблем истоков, адаптации и эволюции алеутской культуры и ее взаимоотношений с культурами северной части Тихоокеанского бассейна, новые данные о первоначальном заселении Америки человеком, новые факты, свидетельствующие о тесных взаимосвязях между культурами Азии и Американского континента.

Как бы подводя итоги нашим раскопкам на Алеутских островах, «*Norwich Bulletin*» писал в августе: «В результате совместных с русскими работ на острове Умнак было исследовано древнее алеутское поселение Анагула, возраст которого, по мнению Лафлина и Окладникова, 7800—8700 лет. На Анагуле найдены каменные пластинки и наконечники — грубые орудия, использовавшиеся во время охоты. Это самые древние остатки культур из найденных в этой части Земли. Лафлин и Окладников возлагают большие надежды на будущие советско-американские экспедиции такого рода: „Мы доказали, что можем работать вместе эффективно и экономно“».

Мы уезжали с Аляски с глубоким убеждением, что Тихий океан, на противоположных берегах которого ведут исследования советские и американские ученые, не разделяет, а связывает наши страны.

В Нью-Йоркском порту нас провожали В. Лафлин и его коллеги:

— Приезжайте еще. Мы будем вам рады.

Позже в журнале «*Science*» В. Лафлин писал: «Советская делегация отбыла рано утром, оставив в Америке много друзей и восторженных коллег. Многочисленные собранные образцы и данные, заметки, фотографии, фильмы, и они подтверждают насыщенное и продуктивное лето исследований. Это было удачное и удивительное время — приятное, несмотря на тяжелую работу и непогоду. Все члены этой исследовательской экспедиции с удовольствием работали друг с другом и будут рады работать вместе в будущем.»

Мы верим в искренность этих слов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алеш Хрдличка (1869—1943), чех по национальности. С 1882 года работал в США; крупный антрополог, известный исследователь древних культур Аляски и Алеутских островов.

² Рудольф Вирхов (1821—1902) — немецкий ученый, крупный врач-патологоанатом. Занимался антропологией, этнографией, археологией (участвовал в раскопках Т. Шлимана). В ранних работах выступал сторонником эволюционного учения. С конца XIX столетия резко изменил свои взгляды, став ярким противником признания обезьяно-людей в качестве предков *Homo sapiens*.

³ Окладников А. П. Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан.— В кн.: Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949, с. 7—85.

⁴ Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии Избр. произв. М., 1974, с. 39—65.

⁵ О статуэтке из Бурети и полемике с В. И. Громовым и М. М. Герасимовым см. подробнее: «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л., 1941, № 2, с. 104—108.

⁶ Collins Henry. Eskimo Archaeology and its Bearing on the Problem of Man's Antiquity in America.— «Proceedings of American Philosophical Society», 1943, vol. 86, № 2, p. 220—235.

⁷ Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья.— «Вестн. древней ист.», 1938, № 1 (2), с. 224—260.

⁸ Монография Генри Майкла, посвященная неолиту Восточной Сибири была опубликована в 1968 году в Филадельфии в солидном издании «Труды американского философского общества» (Новая серия, т. 48, ч. 2, 108 с. и 94 ил.).

⁹ The Bering Land Bridge Stanford, California, 1967. 495 p.

¹⁰ Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969. 256 с.

¹¹ См.: Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозойе. Хабаровск, 1973. 215 с.

¹² Там же, с. 53—58.

¹³ Нельс Христиан Нельсон — американский археолог, участник Центрально-Азиатской американской экспедиции под руководством Р. Ч. Эндрюса. В 20-х годах занимался изучением каменного века Монголии и Китая. См.: *Archaeological research in North China*.— «*American Anthropologist, new Series*», 1927, vol. 29, № 2; *Notes on the archaeology of the Gobi*.— «*American Anthropologist*», 1926, vol. 28, № 1.

¹⁴ Окладников А. П. Палеолит Монголии (к истории первоначального освоения человеком Центральной Азии).— В кн.: IX Международный конгресс антропол. и этногр. наук (Чикаго, сент., 1973). Доклады советской делегации. М., 1973. 15 с.

¹⁵ Хэллам Л. Мовнус — американский археолог, видный специалист в области палеолита Юго-Восточной и Восточной Азии. Автор известной концепции о двух огромных древнепалеолитических культурах, охватывающих всю Ойкумену: культуры ручных рубил и культуры чопперов и чоппингов. Первая была, по его мнению, распространена в Европе, Африке, Юго-Западной Азии и частично в Индии, вторая — в Пакистане, Индии, Китае и во всех странах Юго-Восточной Азии. См.: *Earlyman and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia*.— «*Papers of the Peabody Museum*», Cambridge, 1944, vol. XIX, № 3.

¹⁶ Улалинка — палеолитическая стоянка на реке Улалинке около города Горно-Алтайска. Характеризуется галечной техникой обработки камня. Находки из нижнего культурного горизонта относятся ко времени не моложе тазовского — начала казанцевского межледникового (около 100—150 тысяч лет назад).

¹⁷ Лунс Лики — английский археолог и антрополог, более 30 лет проводивший исследования в Восточной Африке. Большое значение имеют открытия Л. Лики в Олдувайском ущелье на севере Танзании черепа зинджаутропа — ископаемого примата и презинджаутропа — более развитой формы примата, а также, что особенно важно, черепа древнейшего человека — *Номо shabilis* — «Человек умелый». Возраст его около 1 миллиона 800 тысяч лет.

¹⁸ Честер С. Чард ученый широких интересов и кругозора, профессор Висконсинского университета (США), крупный специалист в области древних культур Тихоокеанского бассейна. Автор работ, посвященных проблемам первоначального заселения человеком Американского континента. См., например, *Chard Ch. S. The Old World Roots: Review and Speculations*.— «*Anthropological Papers of the University of Alaska*», 1963, vol. 10, № 2, p. 115—121. Х. Мюллер-Бек — археолог, занимающийся проблемами палеоли-

та Америки. См.: **H. Muller-Beck**. On Migrations of Hunters Across the Bering Land Bridge in the Upper pleistocene.— In: *The Bering Land Bridge*. Stanford, 1967, p. 373—408.

¹⁹ В. Хейнес — профессор университета в Далласе (США), специалист по верхнепалеолитическим культурам Северной Америки.

²⁰ Мэри Вормингтон — известный исследователь палеолита Америки. Несколько раз приезжала в Советский Союз, участвовала в раскопках стоянки «Верхоленская гора» около г. Иркутска.

²¹ Э. Вилмсен — американский археолог. См.: **Wilmsen E. N.** Flake Tools in the American Arctic, Some Speculations.— «*American Antiquity*», 1964, vol. 29, № 3, p. 338—344.

²² **Anderson D. Akmak**. *Acta Arctica Fasc XVI*, Kobenhavn, 1970, 70 p. and ill.

²³ **Абрамова З. А.** К вопросу о культурных связях Азии и Америки в позднем палеолите.— В кн.: IX Международный конгресс антропол. и этногр. наук (Чикаго, сент., 1973). Доклады советской делегации, М., 1973, с. 12.

²⁴ **Астахов С. Н.** Палеолит Енисея и проблема происхождения так называемого эпиграветта Северной Америки.— В кн.: Берингская суша..., с. 194—196.

²⁵ **Solecki Ralph S. Shanidar**. *The Humanity of Neanderthal Man*. London, 1972. 222 p.

²⁶ **Поршнев Б. Ф.** Материализм и идеализм в вопросах становления человека.— «*Вопр. филос.*», 1955, № 5; См. также о критике взглядов. **Б. Ф. Поршнева: Окладников А. П., Борнсковский П. И.** О времени и условиях становления человеческого общества.— «*Вопр. ист.*», 1956, № 11, с. 77—85.

²⁷ **Берх В. Н.** Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги русского купечества. Сиб., 1823, с. 15—137; **Ефимов А. В.** Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. М., 1950. 318 с.; **Дивин В. А.** Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971, с. 5—340.

²⁸ **Полевой Б.** Григорий Шелихов— «Колумб Российский». Магадан, 1960, с. 32.

²⁹ По сообщению Г. А. Аграната колокола, отлитые из меди Российско-Американской компании, до недавних дней висели в испанских монастырях Калифорнии. См.: **Агранат Г. А.** Об освоении русскими Аляски.— В кн.: *Летопись Севера*. М., 1971, с. 182.

³⁰ **Barrett Willoughby**. *Sitka*. Boston and New-York, 1930, p. 5.

³¹ Цитируется по работе Г. А. Аграната «Об освоении русскими Аляски», с. 182.

³² Федорова С. Г. Русское население Аляски в Калифорнии. М., 1971, с. 106—107.

³³ Hrdlicka A. The Aleutian and Commander Islands and their Inhabitants. Philadelphia, 1945. 603 p.

³⁴ Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973, с. 49—97; см. также: «Arctic Anthropology», 1966, vol. 3, № 2, p. 1—131.

³⁵ Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. II. Спб., 1840, с. 205.

³⁶ Там же, с. 233.

³⁷ Iochelson W. Archaeological Investigations in the Aleutian Islands. Washington, 1925, fig. 84—93.

³⁸ Murdoch J. Ethnological Results of the Point Barrow Expedition.— In: 9th Annual Report of the Bureau of American Ethnology, 1892. 441 p.

³⁹ Laguna F. The Archaeology of Cook Inlet, Alaska. Philadelphia, 1934, p. 73—91.

⁴⁰ Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969, с. 209.

⁴¹ Вениаминов И. Е. Записки об островах..., с. 7.

⁴² Iochelson W. Archaeological Investigations in the Aleutian Islands. Washington, 1925, p. 35—36.

⁴³ «Нэшл Джиографик» — журнал, издающийся Национальным географическим обществом США, специализируется на публикации познавательных материалов по географии, археологии и этнографии. Один из распространенных журналов США. Тираж 6 млн. экз.

⁴⁴ Laughlin W. Notes on an Aleutian Core and Blade Industry.— «American Antiquity», 1951, vol. 17, № 1, p. 52—55.

⁴⁵ Laughlin W., Marsh G. The Lamellar Flake Manufacturing Site on Anangula Island in the Aleutians.— «American Antiquity», 1954, vol. 20, № 1, p. 27—39.

⁴⁶ Laughlin W., Aigner J. Preliminary Analysis of Anangula Unifacial Core and Blade Industry.— «Arctic Anthropology», 1966, vol. 3, № 2, p. 41—56.

⁴⁷ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— «Материалы и исслед. по археол. СССР», М.—Л., 1950, т. 18, с. 158.

⁴⁸ Аксенов М. П. Стоянка Черемушник.— «Сиб. археол. сб.», Новосибирск, 1966, вып. 2, с. 48.

⁴⁹ См., например: **Окладников А. П., Деревляко А. П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973. 439 с.

⁵⁰ **Laughlin W.** Human Migration and Permanent Occupation in Bering Sea Area.— In: *The Bering Land Bridge*. Stanford, 1967, p. 409—450.

⁵¹ **Васильевский Р. С.** Древние культуры Тихоокеанского Севера..., с. 123—124.

⁵² **Барсуков Н. П.** Иннокентий—митрополит Московский и Коломенский (по его сочинениям, письмам и рассказам современников). М., 1883. 769 с. с приложением.

⁵³ **The Aleut Language.** The elements of aleut grammar with a dictionary in two parts containing basic vocabularies of Aleut and English By Richard Henry Geoghegan. Edited by Fredericka I. Martin. United States. Department of the Interior, 1944.

⁵⁴ Здесь и далее: **Веняминов И. Е.** Записки об островах Уналашкского отдела. Ч. I—III. Спб., 1840. 364, 413 и 134 с.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Раскопки в Бурети в 1939 году (первый справа Алеш Хрдличка). Фотография публикуется впервые.

На съемках фильма «Первые американцы» в поселке Озерки Каргатского района. А. П. Окладников и Хью Даунс в «павильоне мамонтов».

Профессор Вильям Лафлин и Дэвид Хопкинс в гостях у сибирских историков.

Встреча советских и американских археологов в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Слева направо А. П. Дервянко, А. П. Окладников, Д. Айгнер, Р. Солецкий, Р. С. Васильевский, В. Лафлин, Ю. Ф. Зевакин.

Анкоридж — быстрорастущий город Аляски.

В университете Анкориджа. В центре одноэтажное здание лабораторного корпуса.

Музей истории и прикладного искусства в Анкоридже.

На приеме в Алеутской корпорации. Секретарь корпорации Лилли Мак Гарвей (стоит в центре) с гордостью вспоминала, что среди ее предков были русские.

Залив Кук Инлет.

Группа археологов в Уналашке (слева направо А. П. Деревянко, Р. С. Васильевский, В. Лафлин, А. П. Окладников, А. С. Копоцкий, В. Е. Ларичев).

Старинный русский дом пачала XIX столетия в Уналашке.

Русская церковь в Уналашке.

Село Никольское на острове Умнак.

Дом алеутов в селе Никольском на острове Умнак.

В гостях у Лафиры и Джона Душкиных. В сентябре 1974 года у них была серебряная свадьба.

Залив Санди Бич.

Старая барабара (полуземлянка) в заливе Санди Бич на острове Умнак.

Каменные орудия-«бифасы» со стоянки Санди Бич.

Раскопки жертвенника на мысе Иканудах.

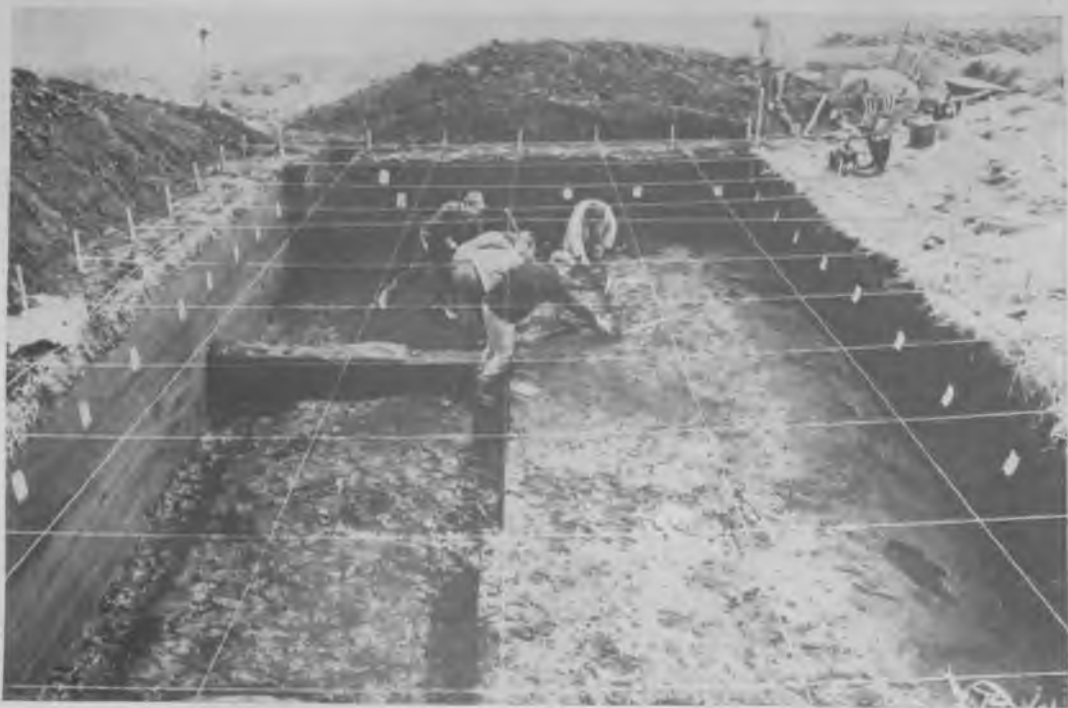
Знаменитый холм Чалука. Стрелкой показано место раскопок.

Юго-западная оконечность острова Анангула. Стрелкой показано место раскопок в 1974 году.

Лагерь экспедиции в бухте Алисах на острове Анагула.

Раскопки стоянки Анаугула — древнейшей на Алеутских островах.

Каждая новая находка фиксировалась в дневнике. Рут Лафлин записывает данные о самой крупной пластине, найденной на Анангуле.

Американским студентам Дэвиду и Марри было интересно побеседовать с советским академиком.

Бруно Фролич торопится запечатлеть момент начала раскопок поселения Вилледж Сайт.

«Клад» каменных орудий древнего зверобоя (остров Анангула).

Профиль древнего жилища поселения Вилледж Сайт.

Остатки каменной кладки древних очагов на поселении Видледж Сайт.

На раскопках поселения Вилледж Сайт.

Часто научные дискуссии возникали прямо на раскопе.

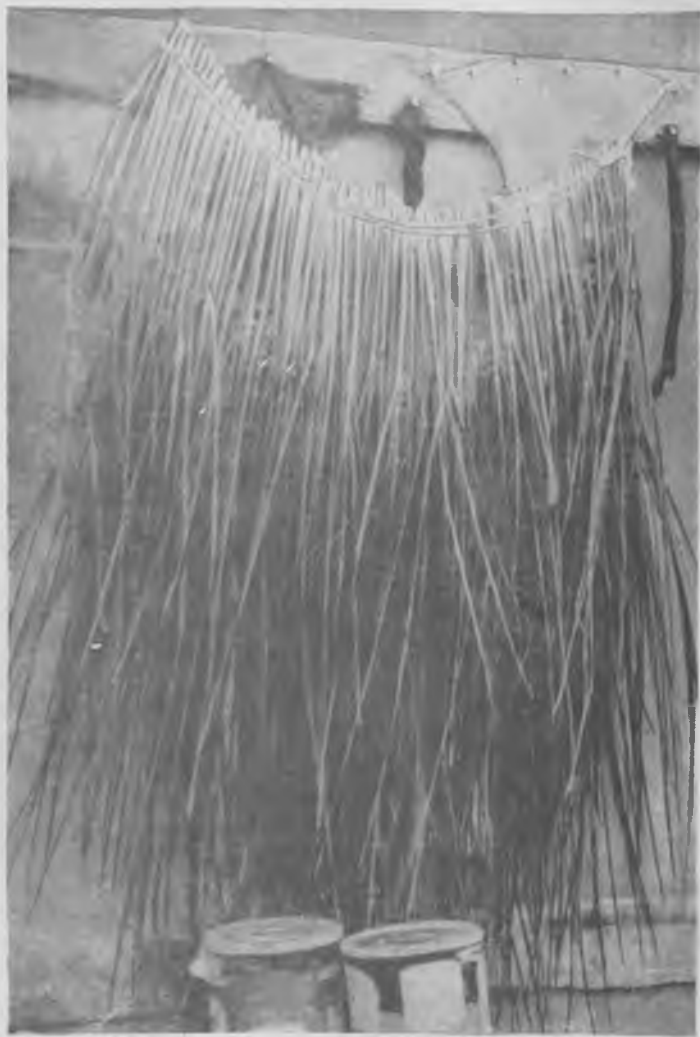
«Подводная археология» — ведется съемки обитателей морского дна бухты Алисах (остров Апангула).

Такими палатками была снабжена экспедиция на Анангуле.

Жительница села Никольского
Аксинья Крюкова.

Так сушится трава, собранная для плетения корзин.

Здание антропологической лаборатории Университета «Аляска» в Фербенксе.

Овцебыки — реликты плейстоценовой фауны древней Берингии (ферма университета в Фербенксе).

Тундра парса Мак-Кинли.

Осмотр обнажений стоянки Драй Крик на Аляске.

Профессор Р. Пауэрс на раскопках стоянки Драй Крик на Аляске.

Встреча с профессором Карльтоном Куном (слева) — известным антропологом и старым другом советских ученых.

Центр биологических наук в Коннектикуте.

СОДЕРЖАНИЕ

Эхо Тешик-Таша	5
Алеш Хрдличка в поисках «пер- вых американцев»	7
Каргатские мамонты	16
Древняя Берингия	23
Из Азии в Америку по следам древ- них культур	39
Встречи в Нью-Йорке	41
Анкоридж — ворота Аляски	44
Русская Америка	50
Умнак	60
По следам Хрдлички	64
По маршруту неожиданностей	76
«Кит, плывущий на север»	79
Подтверждение гипотезы «двой- ного пальца»	102
Еще немного истории	112
И снова Аляска	121
Примечания	124
Иллюстрации	129

**Алексей Павлович Окладников,
Руслан Сергеевич Васильевский**

ПО АЛЯСКЕ И АЛЕУТСКИМ ОСТРОВАМ

*Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий Академии наук СССР*

Редактор *Д. Г. Харенко*. Художник *С. М. Кудрявцев*. Художественный ре-
дактор *Т. К. Овчинникова*. Корректор *Э. Д. Сабитова*.

Сдано в набор 25 сентября 1975 г. Подписано в печать 23 марта 1976 г.
МН 12036. Бумага машиномелованная. Формат 84×108¹/₃₂. 4 печ. л.+1,25
печ. л. на мел. бум., 8,9 усл. печ. л., 8,1 уч.-изд. л. Тираж 71650 экз.
Заказ № 666. Цена 59 коп.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Со-
ветская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станислав-
ского, 25.